

Валентин Юрьев
Волшебник Кеи
Книга 2

Служба королю

Валентин Юрьев

Служба королю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931366

ISBN 9785005157010

Аннотация

Два друга с планеты Земля, попав на совершенно чужую и неизвестную планету, неожиданно для себя включаются в борьбу за освобождение своей новой родины от вражеских мародёров, и учатся побеждать их. Вместе с отрядом единомышленников они создают новый город на границе.

Содержание

Содержание первой книги	6
Волшебник Кеи	8
КОРДОН	9
ТАЙНЫ ДВОРЦА	39
ПРОВЕРКА	116
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Служба королю

Валентин Юрьев

Иллюстратор Александра Клестова

© Валентин Юрьев, 2020

© Александра Клестова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5701-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержание первой книги

Книга 1 Паучий Замок

Мальчишки, два друга с планеты Земля, неведомым образом были перенесены сквозь космическое пространство на совершенно чужую и неизвестную планету. Здесь царит средневековье, планета бедна ресурсами, на ней нет даже деревьев, зато много врагов, желающих ограбить любого жителя.

Мишка, получивший имя «Мроган», оказывается сыном мэтра Кроригана. Он начинает учиться колдовству и достигает в этом осязаемых результатов. Умеет двигать предметы, создавать фантомные изображения и прозрачные очень прочные стенки, которыми при необходимости можно и задушить врага. Умеет подниматься в воздух и медленно лететь, создавать «фонари» – вихри светящегося газа в твёрдой оболочке.

Но главного умение – постоянно думать и принимать смелые и неожиданные решения.

В отличие от него, Пашка, сын отца – пьяницы, идёт по тропе воина. Невероятно точно он стреляет из пращи, прекрасно знает приёмы рукопашного боя, которые они с Мроганом изучают по древним книгам, а колдовство прин-

ципиально отвергает как занятие, недостойное мужчины.

Оба они честны, мужественны, бескорыстны и главным своим делом считают заботу о друзьях, родных, своём клане, королевстве, соплеменниках.

Мишка уже нашел свою избранницу из другого клана. Слишком молодую для замужества, но он и сам ещё молод. А вторым его другом стал принц соседнего королевства, которого они спасли от торговцев иритами (так зовут жителей королевства).

Первая книга заканчивается описанием похода в Паучий Замок, в котором герои едва не погибли, но сумели найти проход в развалины, наполненные вещами и книгами, и подружиться с магом-одиночкой, который подарил Мишке-Мрогану волшебную карту планеты, а Принцу – набор шахмат.

Волшебник Кеи

Книга 2 Служба королю

СОДЕРЖАНИЕ

КОРДОН

ТАЙНЫ ДВОРЦА

ПРОВЕРКА

РАБСТВО

ПОСЕЛЕНИЕ БРОД

КЛАН ЯЩЕРИЦЫ

СВАДЬБА

САМЫЕ ЛУЧШИЕ

ПОДГОТОВКА

ТЁЩИНО ГНЕЗДО

СВОБОДА

БИТВА В СТОРОЖЕВОМ

КОРДОН

(рассказчик)

Мишка и Пашка сидят в дозоре. Здесь, на Юге, на границе королевства с Иллирией уже властвует весна, от тёплой почвы стоит невыносимый запах всех форм жизни, которые под благодатными лучами Сияющего стремятся вылезти, зацвести и успеть дать плоды перед приходом холодов.

Разведчиков трудно узнать. В штопаной, запылённой и явно не новой одежде, словно снятой с плеча пьяницы – ремесленника из провинции, они выглядят как подмастерья, которых послали на рынок продавать товары хозяина, однако, внимательный ирит сразу мог бы разглядеть несоответствие многих мелких деталей той роли, которую исполняют юные артисты.

Их руки, не имеют следов определённого ремесла, хотя это и не руки неженки, их лица, несут дерзкие взгляды и знают себе цену, излучают уверенность, несвойственную иритам второго сорта, как ни прячь глаза. Их одежда, купленная за гроши на рынке сразу выдаёт несочетаемые комбинации, но всё это второстепенно здесь, в одной метке от кордона.

Мишка сам вызвался на эту роль, предложив Клеймёно-

му устроить проверку проходящим через пограничный пост в неслужебной обстановке. Кордонная служба – дело простое, как кажется на первый взгляд, но в каждом деле бывают профессиональные тонкости, если в них есть потребность.

А сейчас потребность была. Во всяком случае, был приказ. И не кого-то из чиновников, а приказ самого короля Гарвии, Гирбата Богатого, приказ путаный и несущий мало сведений, на которые можно было бы опереться.

Юные разведчики, которые, впрочем, уже имеют звание мэтров за зимние заслуги, получили на руки предписания с солидными печатями, по которым всякий чиновник обязан бегом выполнять их указания и оказывать всю требуемую помощь.

Начальник поста по кличке «Клеймёный», названный так за неровный треугольный шрам на лице, как и всякий нормальный

службист, при их появлении сразу высказал всё, что он думает по поводу сопливых юнцов, чьи папаши могут себе позволить...

После более близкого знакомства, узнав, кто на самом деле является родителями молодых мэтров, он изменил своё выражение на прямо противоположное и пропесочил выскочек, не нюхавших ни того, ни этого. Ребята не стали его пе-

реубеждать и отношения остались натянутыми.

Но служба шла, как положено, предписания короля выполнялись, и косые взгляды солдат, обленившихся на неподвижной работе и боявшихся разоблачений по поводу мелкой mzды, разбитных маркитанток и прочих нарушений, вскоре перестали беспокоить героев, уже привыкших купаться в лучах славы.

Им сейчас не то, что славы, даже известности никакой не было нужно. И солдаты маленького гарнизона как раз очень подходили для этой цели. Располневшие, лишённые последних частиц воинского честолюбия, они ничем не интересовались, пока к ним не лезли и уж тем более, не затевали никаких скандалов и разборок.

Жарко. Мишка читает очередную книгу, а Пашка дремлет на куче корзин, наполненных листами кожи и шкур, предназначенных «для продажи». На всякий случай они оба выучили технологию производства этих нехитрых товаров, имена своих мнимых хозяев, географию местности, пару специфических анекдотов, короче, легенду, которую сами же себе и сочинили.

А чего же её не выучить, если эта осточертевшая им служба тянется уже не первый десяток дней безо всякого результата? Ну, выявили они кучку контрабандистов, так потом вы-

яснилось, что это мелочь, которая известна местному гарнизону как ближайшая родня, с которой они имеют постоянный заработок.

Пришлось Клеймёному раскошелиться, чтобы замять этот конфликт и на время приостановить поток «родственников». Но Мишке нужна не такая дичь. Король лично узнал, что готовится что-то очень неприятное, то, что может затронуть устои королевства и почему-то решил такую тайну доверить двум вчерашним мальчишкам. Загадочно всё это!

Площадка, где они сидят, вытоптана и изрядно угажена. Рядом течёт ручей, приносящий прохладную воду и уносящий остатки еды, мусора, рваной одежды и всего, что сопутствует цивилизованным существам. Из-за кустов подвывает переработанными естественным образом остатками пищи, когда ветерок изменяет своё направление.

На этом месте караваны и путники, как правило, останавливаются перед последним переходом в город, посещают то, что физиологически надо, чистят перья, меняют одежду на более солидную, перекусывают, выбрасывают еду, которая успела испортиться и при этом, конечно же, разговаривают.

Вот именно это и нужно разведчикам. Их задача – установить, нет ли, среди проходящих, шпионов и лазутчиков любых мастей, гонцов, переносящих интимную информацию, вартаков и, особенно, их главарей, и прочих нечистоплотных граждан.

Мишкина задача упрощается тем, что он точно знает, что сегодня со следующего кордона, который находится по ту сторону границы, должны пройти четыре группы.

Эти сведения ещё вечером передаёт гонец, который постоянно курсирует между сторожевыми отрядами, и за отдельную плату продаёт интимные сведения, собранные с постоянных дворов. Информацию он покупает у хозяев этих жалких гостиниц, причём работает гонец на обе стороны, это не считается ни шпионажем, ни нарушением. Просто нашел себе ирит приработок, молодец.

Зато оба мэтра знают заранее, кто к ним придёт, значит каждый имеет время подготовиться, и к богатому вельможе, и к подозрительного вида вольным мужикам. «Кто предупреждён, тот вооружён» – эту истину Мишка запомнил из жуткого количества боевиков, увиденных по телику.

Механика процесса очень проста. Гонец бежит из одного пограничного городка в другой, по пути забирает летучую почтовую крысу на кордоне, прибегает в городок, узнаёт новости и отправляет их почтой. Ночует в городе. В одно и то же время с ним из второго города выбегает его напарник и делает то же самое. В итоге оба кордона оповещены.

Есть, конечно, вероятность, что и гонца могут подкупить, но для такого нелепого занятия нужна очень уж веская причина и немалый мешок золота, ведь истина всплывёт тут же и гонец должен успеть удрать с этим мешком, а куда он денет жену, детей и родных? Да и откуда в этой полупустыне

золото?

Могут его и напугать, конечно, или шантажировать. Но опять же, враньё всплывёт в тот же день. Это уж, если война или крупное нападение, а просто так кому нужны пыльные пешеходы на торной дороге и кому придёт в голову мысль о шпионах? В мирное время главное – не потерять денежки за проход.

Все эти мысли лениво крутятся в Мишкиной голове, когда он видит сигнал своего маячка на дороге: «идут». Сложенная книга вползает между шкур, готовность номер один! Изза кустов выходят двое. «Двое мужчин, выправка военная, но без формы, оружия не замечено, направляются в столицу» – так было в донесении.

Мужчины, внимательно, но коротко и цепко оглядывают ребят и, пройдя чуть вперёд от их корзин, останавливаются, делают свои дела, по заведённому алгоритму, как марионетки в старинных часах: поклажу снять – кусты посетить – ручей – пить – умыться- протереть сапоги- ням-ням – мусор в кучу- груз на плечи- пошли.

«Рюкзаки» – отметил Мишка – «Потёртые до блеска, закопченные на кострах, но крепкие. Свои мужики, служивые. И оружие есть, только рукояти двух коротких мечей спрятаны. Вещей мало, курьеры, скорее всего, пришли – отдали, опять ушли. Поэтому и не переодевались».

Мужчины ещё раз цепким взглядом оглядываются на кучу корзин с двумя дремлющими пацанами и топают вперёд.

Опять расслабление, можно ни о чем не думать, хотя мысли всё равно бегают. Как там мать, которая вдруг решила рожать ещё одного ребёнка? Отношения с родителями неожиданно испортились. Особенно, когда Мишке дали это дурацкое звание: «мэтр». Теперь он может быть вождём группы, командиром отряда, даже начальником небольшого гарнизона. Похоже, что тут без слова короля не обошлось.

Зато на отца, который с такой же должностью заканчивает свою жизненную карьеру, это известие произвело удручающее впечатление. Ревнует, что ли? Хотя Мишка любит его не меньше, чем раньше. А матери, наверно совсем не до сына? «Чего я в этом понимаю?» – думает он – «хорошо, хоть с сестрёнкой всё также чисто и прозрачно.»

Мишка чувствует толчок, это Пашка. Опять кто-то идёт, сигнал сработал – маленький столбик пыли над одним из камушков. В этой местности камней мало, они спрятаны под толстым слоем почвы и только иногда прорываются куском скалы или россыпью.

Таак! Кто это у нас? «Торговцы тканями, восемь носильщиков, два охранника и хозяин, идут только до городка». Похоже, что в донесении всё правильно. Идут, пыхтят, на плечах не корзины, а мешки из той же самой ткани, которую несут на продажу, часть груза несут и охранники и сам хозяин, которого выдаёт одежда и кошель на поясе, и сам пояс. Жадный!

Тканевые мешки с грузом заканчиваются капюшонами

и часть веса приходится на голову носильщиков. «Бедолаги» – думают ребята, оба одновременно, хотя и не знают об этом.

Последние месяцы зимы они сами напросились на новый выход в Паучью пещеру, уломав Вождя тем, что всё там может рухнуть в любой вздох. Мишка вытребовал себе право отобрать нужные книги, ради которых он и шел в то место, где они едва не погибли.

В результате вылазки клан набрал столько барахла, что несколько раз пришлось ходить челноком на кордон, таскали одни только мужчины – воины, и группа молодых разведчиков совершенно потеряла свою значимость.

В этих работах нужен был отряд грузчиков, а не лазутчиков. Никто не был ранен, даже не обморозился, при этом заслуга тех, кто открыл замок и освободил его от Зверя, была быстро забыта и задавлена глотками взрослых мужиков, искавших свою прибыль.

Зато натаскались они там с Пашкой до болячек в спине и даже санки не всегда спасали. Но своё слово Вождь сдержал и Мишка стал хозяином прекрасной библиотеки, в которой нашлось достаточно понятное описание этого мира, причём на иритском языке, других Мишка пока не знал.

Остальные книги пошли в королевские библиотеки, а скорее всего, к Аэртану Мудрому, что несколько смягчало для Мишки горечь потери своего отряда. Теперь их всех разделили, развели, распихали по кордонам, слава «лучших»

не дала ребятам ничего, кроме нечистой зависти взрослых воинов.

«Так... Эти еле доползли до кустов и рухнули, не обращая внимания на запах. Ткани рулонами, тут и гадать не надо, видны торцы свёртков, торчащие из мешков. Хотя, конечно, можно и оружие спрятать, но какой смысл? Нет, вроде бы всё чисто. Пошли по алгоритму, теперь вони прибавится. На нас не смотрят, всё правильно, если бы боялись, то смотрели бы. Ругаются из-за оплаты? Тоже правильно. Дойдут до городка и уйдут? Совпадает. Хозяин оглядел наши корзины? Естественно, ему сейчас носильщики нужны. Всё нормально!»

Мишка смотрит на напарника и отрицательно качает головой, в знак того, что можно дремать дальше. Пашка так и делает.

– Эй, голодранцы! – хозяин всё же не выдержал – Давай таскат, заплачу харашо!

Пашка приоткрывает глаз, шлёпает рукой по корзинам, на которых лежит, проводит ладонью поперёк горла, делает страшные, выразительные глаза.

– Ты, глупый, всё равно лежишь, пашли гарадок, патом суда хади.

– Сколько?

– Рука манет!

– Ты что, хозяин? Рука монет? ... Сам носи свои тряпки, нам и это вот уже где! – опять следует жест ладонью по горлу.

– Вай, бездельники! ....

Хозяин сказал бы ещё что-нибудь, пока его носильщики перекусывают вместе с охранниками, которые отличаются только короткими мечами на поясах. Они сели кружком и видно, что это обычные трудяги, подкальмят и пойдут во-свояси.

– Отдай им свои монеты! – Пашка не может не поучить, хотя этим задевает напыщенного купца сильнее, чем отказом работать на него.

– Ах ты, босяк паршивый...

Страшная тирада жадины прерывается цоканьем копыт, звуками крепких шагов и появлением новых действующих лиц. На поляну выходит неторопливым шагом аралтан, на котором в настоящем седле, богато украшенном, сидит девушка южного типа, такой яркой и броской красоты, что все мужики разом замолкают, перестают жевать и поворачивают к ней свои головы, но по бокам от неё шествуют охранники с тесаками, просто огромными по сравнению с теми ножичками, что висят на поясах охранников купца, поэтому все фигуры замирают.

«Аралтан – южное копытное животное...» – вспоминает Мишка цитату из своей книги. Мысль его развивает эту тему: «Ну до чего похож на осла, только с маленькими уша-

ми, а на морде точит острый прямой рог как у единорогов на картинках. Вот забавно!»

Пока он это вспоминает, новая группа уже прошла туда, где раньше ели два мужика, и быстрый Пашка уже тащит в бурдючке воду и подаёт красавице, не в силах вымолвить ни слова от восхищения.

Мишке самому страшно даже взглянуть в эти огромные, живые, обрамленные пушистыми ресницами, глаза, они обладают гипнотическим свойством такой силы, что достаточно одного движения пальцем, чтобы заставить покорённого делать то, что ей нужно. Девушка одета очень просто, по-походному, но горделивая осанка может принадлежать только даме высокого звания. Узкие шелковые штаны, легкая полупрозрачная блузка и накидка с капюшоном от пыли и жары. На голове тонкий обруч с висюльками, сверкающими в лучах света.

«Танцовщица из Бари-Кона, с ней два телохранителя, едет на аралтане в столицу» – Мишка с трудом вспоминает строки из донесения, глядя на то, как один из телохранителей снимает с навьюченного животного два здоровых баула и седло, поит его из ручья и вешает на шею мешок с зерном, а второй сопровождает её в место начала действий по алгоритму.

Как только глаза с ресницами исчезают из поля зрения носильщиков, они начинают усиленно дышать и жевать, а хозяин кричит, чтобы эти ленивые дети Дарка скорее убирались отсюда, пока жара не выжгла их лица. Мишка тоже трезвеет, на место ослепляющего взгляда он ставит простое и понятное лицо Канчен-Ты и начинает процеживать в уме детали, как бы советуясь с любимой.

Два баула, в которых можно провезти всё, что угодно. И не лёгоньких, судя по усилию, с которым снял их охранник. Но, может быть, там украшений столько, что и два аралтана не увезут? Охранники, явно не носильщики и не подмастерья, сразу видны или воины, или профессиональные борцы, такие специфические мышцы, шрамы, оружие, всё говорит об этом. Да и выглядят они как близнецы, хотя и разные внешне, их объединяет профессия, одинаковая одежда, мелкие детали.

Интересна и сама девушка. Одна только её внешность является страшным оружием, которое и с толку собьёт и совертит, то есть переманит на свою сторону, а хозяйка останется при этом невинной как дитя. И что интересно, эти трое красоту не прячут, наоборот, выставляют напоказ, в то время, как истинную ценность всегда укрывают от лишних глаз. Это всё равно, что везти золото не в мешке, спрятанном на дно корзины, а снаружи, на золотом подносе. А вот, если золо-

то – фальшивое, тогда получится хорошая ширма. А что же можно прятать за такой ширмой?

Но, с другой стороны, если это – оружие, то его можно применять только считанное количество раз, иначе яркая внешность и колорит группы примелькаются.? Но кто сказал, что он не наступил, этот раз? Тогда можно ожидать и диверсии и какого-нибудь скандала на границе, или любой другой провокации. А, может быть, всё гораздо примитивнее, и троица хочет подзаработать по дороге, тогда всё логично, им нужна реклама, вот они и везут товар в открытую? Тогда и молодцы к месту – два статиста. Голова у Мишки начала пухнуть от всевозможных предположений...

– Кларонелла ещё что-нибудь желает?

Пашка, молодец, включился в игру и играет восхищённого дурачка, надевая простую танцовщицу графским титулом, разве графини так путешествуют? Интересно, что она ответит?

– Тёплую ванну, горячего настоя с мёдом и убери этих болванов!

Она кивает в сторону носильщиков и Пашка, включаясь в игру, делает вид, что выметает мусор, и вскоре пыхтящий караван с тканями, удивлённо озираясь на непонятные пас-

сы, медленно проходит мимо, после чего Пашка делает вид, что собирает с дороги то, что могли бы оставить носильщики, будь они животными и «вышвыривает» ЭТО в кусты.

– Ванну сейчас принесут из Ирит-Тара, вода к середине дня нагреется, настой уже готов, кларонелла.

Наградой ему служит залиvistый смех мнимой графини и гулкое довольное уханье её мордovorотов. Пашка бежит к своим корзинам и несёт травяной настой в Мишкиной кружке! «Ах, ты, паразит, – думает юный колдун – ну, принёс бы свой, а я его так берёг с утра, придётся теперь водой перебиваться по жаре!». Но думает он так беззлобно, зная, что Пашка для дела старается, хотя и переигрывает.

– Что-нибудь ещё, кларонелла? Может и этих болванов убрать?

Пашка создаёт конфликт. Пока что игровой, лёгкий. Порцию своего смеха он опять получает, только теперь она сопровождается попыткой сделать ему больно. Один из верзил со словами: «Ах, ты, мокрица мелкая...», наносит Пашке удар своим страшным башмаком, который, однако, не достигает своей цели, то есть, Пашкиной задницы, пролетает мимо, по инерции летит снизу вверх, как у хорошего футболиста и опрокидывает мужика назад, к его полному недо-

умению.

Он поднимается и совершает вторую попытку, противник, повернувшись к нему его же целью, спокойно ждёт, пока нога начинает двигаться, делает шаг назад и, подхватив летящий уже между ног башмак, полностью повторяет предыдущее движение. Два —ноль.

«Теперь интересно – думает Мишка – если он воин, то будет бить, пока не убьёт. А если бутафор, то постарается замазать конфликт и свести его к ничему.»

Охранник, с грубого лица которого уже слетела маска добродушия, начинает снимать свою секиру, чтобы придушить мелкого наглеца руками как клопа. Наглец готовится к неминуемой схватке. И тут следует короткий окрик второго. И первый, сникнув и скрипнув челюстями, опять закрепляет свой пояс. Проверка не удалась.

Понятно, конфликт им не нужен. И понятие дисциплины тоже известно очень хорошо. Значит, они не равны по обязанностям! И что это может значить? Пора Пашке помочь.

– Кайтар, брось ты этих аралтанов! Им и так страшно! Пошли, пора двигаться, а то к ночи не дойдём!

Провокация удаётся. Теперь оба оскорбленных со злобны-

ми лицами надвигаются на Пашку, который потихоньку пятится назад и уже снова расстёгивают свои пояса. Дело начинает пахнуть кровью. Свидетелей вокруг теперь нет, торговец проплёлся далеко. Ну и дисциплинка! Мишка встаёт...

Звучит один хлёсткий окрик. Это – она! Значит, танцовщица повелевает-таки двумя бугаями! Она – командир маленького отряда! Вот то, чего и добивались два мэтра в своём расследовании! Лёгкое повелительно – призывающее движение пальца и Пашка уже у ног юной красавицы. «Не переигрывай!» – думает Мишка, но сказать об этом не может и лениво ложится снова, отворачивается, кося глазом.

– А ты смел, дерзкий юноша!

– Скорее, слеп, кларонелла, сегодня свет Сияющего стал слишком ярким!

– И твой друг так же умеет?

– Если бы он осмелился открыть глаза, то ты увидела бы чудеса, прекрасная!

– Тогда почему вы тащите эти мерзкие кожи, а не служите достойному? – «Успела разглядеть!» – думает Мишка.

– Мы служим клану, кларонелла, там наш хозяин, который указывает, кому и где работать, а за ним стоят наши родные, и наши воины, и наши традиции.

– Мне могут понадобиться умелые руки и толковые головы... Вот только такие длинные языки не нужны.

– Когда есть покупатель, всегда найдётся и товар, прекрасная, скажи только, чего ты можешь ждать от двух бродяг?

– Я найду им применение. Эти – слишком заметны. Они хороши на парадном входе. А через черный ход должны пропускать серые и обычные.

– Ну, не настолько уж мы и серые...

– Когда молчите, то вас совсем не видно. А если ещё научитесь скрывать свою дерзость, то вам цены не будет!

– Лучше, чтобы цена всё-таки была, кларонелла, нам это привычнее.

– Я подумаю о цене.

– Где мы сможем найти тебя?

– Во Дворце Гирбата Богатого. Я направляюсь к нему.

– Ты думаешь, что нас он тоже заждался, прекрасная?

Кто же пустит во Дворец оборванцев?

– Это ваши сложности. Если такие смельчаки не смогут где-то пройти, то они мне ни к чему. Благодарю за настой.

Она отдаёт Пашке кружку и он, откланиваясь, видит в ней одну из её висюлек, снятую с обруча на голове. Пароль? Пропуск?

Следопыты надевают свои корзины и тихо пылят в сторону кордона, а группе, оставшейся сзади надо закончить алгоритм, который длиннее обычного, так как придется заново навьючить аралтана.

Где-то на этой дороге движется ещё одна группа. «Семья – молодой муж, жена и мать жены идут из Бари-Кона в Сара-Тон, ходили гостить в поселение жены...». Мишка решает, что хватит уже на сегодняшний день, тем более, что их всё равно будут проверять на кордоне. «Жена и мать» будут идти медленнее, чем носильщики и в любом случае все проходящие не минуют одну точку. Идти недалеко, сейчас они снова увидят всех утренних «попутчиков».

Обсуждать им с Пашкой нечего, танцовщицу надо проверять, чего там думать, поэтому мысли текут свободно и Мишка вспоминает, как они попали к королю по приглашению, сопровождая грузы из пещер, когда зима только начала сдавать свои позиции и первые плоты прибыли в крепость.

Такой добычи клан не знал за все круги, которые были потрачены на поиски, поэтому в качестве поощрения два юных мэтра были осыпаны величайшей милостью, чем вызвали жуткую зависть у всех воинов клана, изоляцию и чуть ли не бойкот, которыми наградило их родное общество. Теперь, даже оставшись дома, они бы только усилили эту непонятную неприязнь и невольно добавили бы к ней раздражение короля за невыполнение приказа, вот уж чего им совсем не нужно было.

Пришлось ехать. Взяли по кучке меди, а, а золотые поти-

хоньку оставили в своих домах: Мишка – у отца, а Пашка – у матери, которой доверял гораздо больше, предупредив их не болтать, хотя слухи уже переползли через перевал и как всегда, обросли такими нелепостями, что к ним серьёзно никто не прислушивался.

Всех парней из Мишкиной группы Вождь раскидал по дальним кордонам, впрочем, это не было наказанием, наоборот, им давали выслужиться, так что жаловаться было не на что. Трезво рассудив, Мишка потом уже подумал, что он и сам бы так сделал на месте Карга Обгорелого, который правил спокойно, скучно, но устойчиво и стабильно. Не было в клане ни взлётов, ни падений, народ плодился, воины росли крепкими, девушки здоровыми, а Мишкин отряд ярко выделялся авантюристичностью, граничащей со смертью.

Подумать только, долгие круги ходили юноши за вымпелом и никогда ничего не случалось, а тут сразу столько невозможного смешалось, что испугало бы не только вождя. Так что всё логично: по заслугам – получиТЕ, а дальше жизнь будет идти по-старому.

Сопроводив груз, два мэтра закружились в вихрях и интригах. Молодые парни из провинции сначала, как и должно было быть, стали предметом насмешек, которые пришлось смывать публично, до крови, после чего их перестали цеп-

лять по-серьёзному, Пашкина тактика издевательства над руками быстро отбила охоту к этому развлечению.

К поселенским выскочкам цеплялись только молодые богатые прощелыги, которые вечно умирают от безделия и готовы своей сворой сожрать любого новичка. До уровня настоящей мести они ещё не доросли, таинство серьёзной секретной борьбы с помощью ядов и кинжалов требует такой умственной, организаторской работы и денег, которых не могло ещё быть у юных лентяев знатных родов. Многие из них были бы не прочь узнать, что два нахальных мэтра лежат в канаве, в луже крови и неизвестно, кто это сделал, но тратить силы на такие дела – зачем? Сами нарвутся.

Но парни не нарывались. Они старались не расставаться. Даже на беседы с Мудрым ходили вдвоём, хотя Пашка там незаметно засыпал в ходе длинных откровений. За это Мишка сопровождал друга на занятия и даже тренировался вместе с ним, особенно увлекаясь той борьбой, которую преподавал им принц.

Копаясь в книгах, Мишка нашел описание этой борьбы, привезённой из дальних стран и теперь они усиленно занимались, используя старый заброшенный садик во Дворце, вход в который Мишка запирает. Сюда, правда, прилетали резкие запахи туалета, который технически был исполнен

очень просто: часть пола на верхних этажах имела специальные отверстия и нависала над такими же отхожими местами нижних этажей, так что все вторичные продукты жизнедеятельности сваливались в один каменный коридор на земле. Верхние делают свои дела почти на головы нижних. Сюда же подходят трубы стока дождевой воды с крыши и отходит каменный канал в реку, так что после дождей туалет сам вычищается. Но запахи остаются. Кушают во Дворце хорошо.

Зато это обстоятельство помогало скрыть занятия двух мэтров от посторонних глаз и им удалось добиться немалых успехов. Мишка на ходу усмехнулся, вспомнив растерянный, непонимающий взгляд охранника, которого свалил Пашка. Тупой солдафон, выбранный только за внешность, которая кажется несокрушимой.

А Пашка всю дорогу вспоминал прекрасные глаза, высокую, гибкую фигуру предполагаемого врага и не было ему сейчас никакого дела до её политических взглядов, и жизнь кажется невероятно удачливой с той висюлькой, которая лежит в маленьком кармашке около сердца, а уж о чём мечтает мальчишка в переходном возрасте, понятно всем. Зато он сейчас с такой лёгкостью тащит мерзкие корзины с вонючими шкурами, что совсем не чувствует их веса.

Вот и двор кордона, отгороженный небольшой стенкой,

это не защитный пост, в случае нападения он никого не сдержит, здесь, на равнине, его можно просто обойти, поэтому башня сделана высокой, но непрочной, это всего лишь смотровая вышка.

Казарма, кухня, колодец, сарай на задах, вот и вся нехитрая архитектура. Посреди двора навес от дождя со столами для досмотра. В момент, когда мэтры вносят свой драгоценный груз, во дворе в самом разгаре проходит обычный ежедневный скандал, который установился здесь со времён появления двух агентов короля.

Начальнику гарнизона эта процедура противна. Она мешает ему нормально и мирно обирать проходящих путешественников и вынуждает держать их на жаре, рискуя тем, что непонятные полномочия, способны спровоцировать конфликт с другими военными, власть которых может оказаться побольше, чем у двух сопляков. Вон, стоят и вовсю ругаются два явно не мирных мужика, они тут торчат дольше остальных и не понимают причин задержки. Это гонцы курьерской почты.

А если они завтра нажалуются королю? Кто тут сильнее? Откуда ему, маленькому мэтру, знать раскладку сил на бомонде, зато, если он потеряет это место, то жизнь намного усложнится.

Команда мэтра полностью поддерживает своего начальника, который им ближе, чем родственник, общие грешки связывают их всех в тесный семейный узел и переживают они не меньше, поэтому, когда корзины с кожей всплывают на площадку, на их хозяев обрушивается отборная ругань и чуть ли не пинки, загоняющие подальше.

На самом деле пинки – это часть ритуала, с ними должны делать то же, что и с остальными, но сейчас солдаты явно не переигрывают, а орут искренне, не играя роли, и не стесняясь в выражениях. Пользуясь этим, разведчики уползают до самых сараев и последним на них кричит начальник, которому Мишка кратко объясняет: девушка, полная проверка.

Выдерживается томительная пауза, никто не должен подумать, что начало проверки может быть связано с появлением двух голодранцев, ситуацию спасает прохожий, идущий из городка, начальник лично беседует с ним, как будто получая пергамент с указанием, а прохожему, наоборот, кажется, что указание прочитано именно ему. За это время уже и троица с аралтаном подтягивается и начинает томиться на жару.

Наконец, производится долгожданный стандартный до-смотр. Вещи выкладываются на стол под навесом, мужики

уходят сразу, ткани прощупываются дольше и вскоре стороны приходят к взаимному пониманию, причём, и эту традицию нарушать нельзя, мзду надо брать, иначе честный начальник будет выглядеть не просто подозрительным, а полным идиотом!

Берут. Торговец со всем караваном уходит.

Теперь танцовщица.

– Не хочет ли госпожа показать свои ярлыки на проход? А не хочет ли она показать, что у неё в баулах, и нет ли там запрещённых товаров и колдовских зельев? Что? Золото? За проход? Это мне, при исполнении? Да вы что, красавица? Да это значит, что там явно что-то запрещённое... Что? Вы стесняетесь здесь, снаружи, где так много любопытных глаз? Ну, конечно же, госпожа, у нас есть специальное помещение, пойдёте туда, а ваши... сопровождающие пусть поскучают здесь. Ну, что Вы, мы поможем, не носить же вам такие тяжести.

Происходит то, что и должно было произойти. Вещи втягиваются двумя солдатами в смотровое помещение, затем они уходят и начальник остаётся один на один со страшным оружием. Правда, к чести его, прекрасные глаза стреляют вхолостую, в скучной пустой казённой комнате видели и не такое.

Мишка стоит в соседней совмещённой конуре, в дверце которой есть щелочка достаточная, чтобы разглядеть изымаемое из баулов. В основном это платья, костюмы, как и положено молодой девушке, туфельки, ботинки, плащ, ну всё, как у всех, и не привлекает внимания. А вот, знакомый предмет, стреляющий двумя болтами привлекает. Миниатюрный, изящный. Незаряженный.

– Милая моя, зачем вам это?

– А разбойники!? Нам сказали, что здесь полно разбойников!

– Сохрани нас Сияющий! С такими охранниками?! Мы вартаков уж давно не видели. Да разве ЭТО спасёт от разбойников? А, впрочем, Ваше дело, только не вздумайте вытаскивать эту гадость на наших дорогах, здесь не любят вооруженных девушек. А вот в этом в ларце что?

– Там мази, благовония, кремы, лекарства, я уж и сама не помню всего..

– А колдовского нет?

– Да что вы, мэтр, я же знаю, что у вас запрещено!

– Так кто же вы, госпожа? Я же не могу этого не знать, вы меня поймите, я лицо подневольное, при исполнении... Конечно, здесь иногда и знатные особы проезжают и не называют имени, но мне-то вы можете сказать. Мы же каждый день... донесение в город, а как же мне назвать...

– Хорошо. Я покажу! Но только это должно остаться между нами.

– Разумеется, госпожа.

– Нет, вы меня плохо поняли, мэтр! Этого не должна знать ни одна крыса в вашем гарнизоне!

Куда делась девичья робость и приветливость в голосе?! Эту острую стальную нотку Мишка уже слышал, когда она остановила своих бугаёв.

– Конечно, конечно, госпожа!.. Темновато здесь... Значит, мэтрелла Кандрес-Ка, Клан Сурка, специальный посылный... предоставить помощь, все полномочия... право досмотра и ареста... Король?! Да что ж вы раньше не сказали? Госпожа, да мы бы вас и сами на руках отнесли бы в городок!

– Хватит болтать! Тебе достаточно ярлыков, старый аркак? Засунь назад мои вещи! И без шуток!

– Да, госпожа.

– Кто были двое перед торговцем?

– Почтовые курьеры, госпожа, я их хорошо знаю. Из королевской службы.

– На кордоне нет посторонних?

– Что вы, госпожа, у нас место тихое. Свои и то не все, двое в городке.

– А мальчишки со шкурами?

– Они ходят иногда, нечасто, у них в клане шьют много, вот и таскают, дерзкие как колючки, голытьба! Никогда не платят за проход!

Мишка чуть не рассмеялся. Действительно, каждый день ходят и не платят! А девочка-то оказывается, почти родственница! Из его же родного клана! Ну, надо же! Интересно, что бы она сказала узнав об этом? Но сейчас ловить её на этой мелочи нет никакого смысла. Отговорится, наврёт что-нибудь... Зато есть смысл последовать за ней, сколько же можно щупать здесь честных торговцев?

– Собрал?

– Да, госпожа.

– Сейчас вынесешь мои вещи. Улыбайся! Да не так, как трусливый вартак! Ты же начальник!.. Я дам тебе монеты, возьмёшь их! Понял?

– Да, госпожа.

«Так тебя и надо, жирная задница» – думал Мишка, выбираясь из комнатки секретным ходом через подвал, выходящий за сарай – «Трус! Через этот кордон армия пройдёт, никто не узнает!»

Это он думал так. Но, когда троица с улыбающейся «танцовщицей» удаляется и теряется вдали, и кожи раскладываются под навесом, говорит начальнику совсем другое:

– Вы вели себя как герой, мэтр. Вы помогли разоблачить опаснейшего агента. Нам предстоит ещё узнать, кто она, но только благодаря Вам мы её опознали. Пишите донесение, мэтр, и я могу вас поздравить с тем, что уже сегодня мы отсюда уходим. Я думаю, что король будет доволен вашим усердием, я лично доложу ему.

– Вы, ребята простите, если что...

– Всё нормально, мэтр. Главное – это дело! Пишите и не забудьте дописать «секретно» и не забывать об этом потом. Если вдруг эта девица пойдёт обратно, повторите своё донесение через курьеров.

– Всё, всё... понял.

Мишка объясняет суть событий Пашке, который всё ещё витает в романтических облаках, они откладывают часть шкур на склад, запихивают свои вещи в корзины, прощаются с опостылевшим кордоном и уже под вечер топают в городок, весьма резонно опасаясь следящих за ними глаз.

За это время проходят и «муж с женой и матерью жены» и ребята пристраиваются к ним в хвост, так, чтобы внимание следящих раздваивалось, если они вообще будут. Но осторожность никогда не повредит.

ТАЙНЫ ДВОРЦА

(Мроган)

Пока мы шли в Сара-Тон, изломали себе все головы, соображая, как лучше проникнуть во дворец. Можно тупо вломиться туда в парадной одежде и занять свою комнату, ведь мы по-прежнему гости короля. Но тогда никак не удастся войти в контакт с танцовщицей, которая, наверняка расставит свои сети и быстро узнает, кто такие два выскочки, которые дразнили её на границе.

Можно накапать королю, арестовать её, провести обыск, но где гарантия того, что она не его агент, мало ли, сколько у него вообще агентов, или, возможно, при обыске у неё ничего не найдут, никаких писем и незаконных документов, тем более, что, мы пока что вообще не знаем, кто она такая. Может быть, иноземная принцесса инкогнито.

Кроме того, к королю нельзя пройти просто так. Нет, разумеется, нас пропустят. Но по дороге предстоит вступить в контакт с десятком доверенных секретарей, спецслужб, охранников и каждый из них может состоять в заговоре, если таковой имеется. А если его нет, то нечего и копыя ломать. Или относиться к опасности со всей серьёзностью, или во-

обще не играть в эти игры.

Была и ещё одна мысль, которая меня кусала с самого начала: неужели мог владыка страны, каков бы он ни был, доверить столь важную проверку только двоим, причём, кому? Новоиспечённым мэтрам, заслужившим признание за находку нескольких рулонов старых тряпок в дальних развалинах?

Не было у нас заслуг в поимке тайных агентов, не за что было давать такую миссию, это я давно понял. Только никогда не думал, что игра в шпионов может привести к сложившейся головоломке.

Из этого всего следовало одно из двух: либо король сам не верил в шпионские игры и просто удовлетворил какую-то свою, непонятную нам, странную прихоть, либо рядом по королевству шныряет ещё не одна пара опытных сыщиков, а мы нужны или для отвода глаз, или для того, чтобы заткнуть случайно образовавшуюся дыру, причём, далеко не самую ответственную.

Вот поэтому, мы с Пашкой не стали рисковать и потащились в столицу в том же самом обличье, в котором сидели на кордоне, только вместо шкур запихали в них свои рюкзаки с одеждой и барахлом, которого было не слишком-то много, всё лишнее осталось во Дворце.

Кстати, идти по весенней тёплой дороге в простой штопаной-перештопаной одежде было настоящим наслаждением. Пускай даже, немного медленнее, чем в добротных крепких башмаках, но зато ощущая всей подошвой мягкую спрессованную пыль дороги, траву по обочинам и свежий ветерок, обдувающий горячие ступни. Дешевые кожаные сандалеты несколько этому не мешали.

Все свои главные ценности я перед уходом оставил Мудрому, единственному ириту, который относился ко мне не просто благосклонно, а искренне, как к сыну. Он сам был при короле фигурой адиозной, не вписывающейся в яркую свиту, состоящую из воинов и красивых дам, разукрашенных как весенняя лужайка, на которой каждый цветок спешит быть опылённым и созреть до прихода холодов.

Колдун, изучавший историю, волшебство и естественные науки, был скорее всего стилизованной единицей, которая должна быть у правителя. У всех королей есть. И у нашего есть, чем мы хуже? Иногда он творил чудеса, народ радовался, король в его дела не вмешивался. Аэрган сам выбирал, чем ему заниматься и каждый круг лично ездил на раскопки Паучьего, рассчитывая найти там то же самое, что искали мы с принцем – книги и камни.

В этом круге всё сбилось и книг привезли столько, что Мудрому нужно было не менее круга только на их систематизацию, описание и чтение, поэтому он практически не выходил из Дворца. Зато имел право входить к владыке и мог передать наши записки или слова, причём, без лишних ушей и глаз.

Конечно, я ему доверял, но ту глухую каморку, которую он выделил под наши вещи, с его разрешения запечатал хорошей защитной стенкой и замаскировал фантомом под цвет камня в келье колдуна. И задвинул тяжелым стеллажом для верности. Кроме драгоценной карты, книг и арбалета там лежали те камни, которые на прощанье сунул мне в руки принц, ценности которых я в полной мере пока что даже и не знал. Не зря же все они были разными.

Но, к сожалению, ни времени на основательное изучение волшебства, ни учителей у меня не было. Старик, келья которого раскрывалась с помощью волшебной книги, моей первой книги, практически не учил меня. Это был сборник упражнений по разным темам. Советы он давал, но только в рамках выполнения одной задачи. К тому же, все его экзамены я кое-как сдал.

Аэртан Мудрый, как оказалось, тоже знает не очень много. Конечно, занятия с ним были очень полезны. Но он объ-

яснял только основы и принципы, причём сам не всегда умел выполнить то, чему учил. Поэтому и торчал у расфуфыренного короля уже много лет, поэтому так рьяно начал натаскивать своего единственного ученика, то есть меня.

До Сара-Тона дошли с двумя ночевками, рассчитывая обогнуть танцовщицу, для этого с одной из петель дороги свернули на прямую тропу, которая шла через старое болото, давно уже высохшее, но всё ещё отпугивающее прохожих старыми слухами о неведомом колдовстве.

Об этой тропе я узнал по карте мага, когда готовился к посещению кордона. На карте были видны развалины строевой, или россыпь крупных камней посреди небольшой лысины в полях, а основная дорога уходила далеко в сторону, через два поселения, обходя это место плавной петлёй и удлинняясь почти вдвое. Спрашивается: «Зачем?!»

Местные жители, которых мы тогда расспрашивали о загадочном пути, ничего толком не сказали. Знают, что тропа есть, но никто там не ходит, не потому, что боятся, а просто, по дороге передвигаться лучше, и веселее, и ногам легче, и трактиры на ней встречаются.

Говорили и о колдовстве, но все с суеверным ужасом на лице, почти слово в слово, повторяли одну и ту же легенду

о задушенном юноше, который решил украсть свою невесту и скрываясь от погони, повёл её через старое болото. Когда их догнали, то юноша лежал мёртвым, со страшными ранами на теле и с синим от удушения лицом, а невеста и вовсе пропала неведомо куда. Но нельзя же всерьёз верить сказкам!

Первую ночь мы провели в сарае харчевни приграничного городка, куда добрались с кордона уже поздно. Могли бы ещё идти, после отдыха на траве, но на всякий случай «отметились» в Ирит-Таре. Если у танцовщицы были дополнительные глаза, то они должны были подтвердить, что мы честно донесли свои шкуры.

А с утра уже попылили дальше и добросовестно шли весь день, обсуждая наши планы. Немного засомневались на повороте, который угадали не потому, что увидели тропу, а просто дорога внезапно свернула вправо. Не было ей нужды поворачивать, никакие препятствия не просматривались вдаль, так что я стал искать причины и испугался, что промахнулся раньше, но нашлись чёткие следы двух курьеров, смело взявшие прямой курс на столицу и убедили нас лучше всяких разговоров. Боюсь, что без них мы вообще это место проспали бы, даже с картой.

Ночь потихоньку сгущалась, но я хорошо знал свойства темноты: сначала, когда диск Сияющего скрывается за даль-

ним контуром, наступает полуслепой сумрак и глазам кажется, что ещё вздох, и больше ничего не будет видно, но переборов его, оказывалось, что видеть можно, только надо потерпеть и тогда все складки местности необъяснимо приобретают другой, сказочный вид. Исчезают тени, звёзды приближаются и становятся похожими на перевернутый океан. При этом можно не заметить столб перед собой и даже врезаться в него, но зато отчётливо проследить полёт маленькой ночной бабочки.

Тропа была вполне утоптанной и хорошо различимой, даже в полумраке. Шла она, практически, прямо, да и Пашка ориентировался прекрасно, мне оставалось только шагать за его спиной, приподнимая повыше ноги, чтобы не споткнуться о случайный камень, не думая ни о чём, в смысле, думая о чём угодно.

А мысли, разумеется, путались и бегали от Канчен-Ты, наполняя тело теплом и любовью, до юной шпионки, заставлявшей вспомнить о вечерней прохладе и об иголках опасности, пронзавших мозг. А в середине мелькали кадрами дом в клане, отец с матерью и сестрёнка, мудрый принц, Дворец со слащавыми лицами придворных, поворот на тропу, с которого я стёр все следы струёй песка и сейчас боялся, не будет ли это стирание заметней, чем сами следы? А ещё память подсовывала картинку из карты, которую мозги периодически

ски пытались наложить на почти невидимый местный пейзаж и, хоть как-то, сориентироваться, «зацепиться» за реальность.

Но и карта и пейзаж были серыми, мутными, и не находилось там ни речушки, ни горки приметной, ни овражка, ничего, кроме странных пятен, торчащих посреди пустыря и не похожих ни на одно строение.

И когда эти метки на карте вдруг обозначились в темноте, мы оба вскрикнули, потому что это были не развалины. На большой каменистой площадке, венчавшей невысокий холм, торчали три высоченных каменных зуба, знакомые нам до боли в кишках, точно такие же стояли на вершине горы и между ними тогда лежали громадные витражи из стекла, которые потом падали на наши головы и сразу же поток воспоминаний о тех днях такой яркой вспышкой отразился в памяти, что сдержать крик было невозможно.

Это потом уже пришел страх опасности. И курьеры могли оказаться рядом, ведь они тоже сюда шли. Загадочное болото могло дать приют всякому зверю, да и вартакам тоже, они как раз любят те места, которые избегают всякие нормальные ириты, а страшные легенды в таком деле только на руку. Но по плану мы здесь должны были ночевать, поэтому я «включил» свет.

Это было нетрудно. После долгих бесед с Мудрым, я научился, наконец, соединять несколько действий и обозначать их одним словом или движением. В первый раз, когда это получилось, испытал такое счастье, которое может понять только соратник, которого у меня здесь не было. Даже сам Мудрый Аэртан толком не умел так делать. Его колдовство было простым и тяжеловесным, как и у меня до его уроков.

Смысл манипуляций очень прост: какое-то слово запоминает цепочку действий любой длины. Как собака на дрессировке. Достаточно потом произнести его, и команды моего мозга воспроизведутся как команды компьютера, вызванные нажатием нужной клавиши. Теперь, создавая защитную стенку, я уже не ползал на коленях, «уговаривая» воздух стать твёрдым, я просто чертил мысленную линию и говорил слово. Это занимало всего несколько вдохов и не отнимало сил.

Включить свет, значит создать защитный объём, закрыть его, создать внутри вихрь, я делал одним щелчком пальцев. Конечно, перед этим пришлось несколько дней обучать собственный мозг таким операциям, «записать» алгоритм действий и тренироваться, уставая ужасно. Но сейчас свет моментально возник по щелчку в центре площадки, где мы на-

хально скинули с плеч корзины и разложили спальные мешки на надоевших шкурах, пренебрегая страхами и слухами.

Научился, наконец, делать фонарик, который перемещался вместе с телом на каждый шаг ноги, это было огромное достижение, раньше удавалось устанавливать только неподвижные светильники, даже в развалинах замка я летал с воюющим факелом, который держал мой напарник, привязанный сзади. Теперь, возможно, сумел бы летать один, закрепив фонарь на голове. Только необходимости такой пока что не было, Паучий остался далеко в горах.

Цепочки команд — мощная сила! Единственным их неудобством было то, что запускающие слова или жесты не должны были возникать в обычных, не колдовских действиях, иначе, щелкнув пальцами от восторга, можно было случайно зажечь свет в самом неподходящем месте. И нельзя забывать и путать, что именно эти слова и жесты означают.

Трудности были. Зато какая свобода! Наилучшими командами оказались сочетания слов с движениями рук. Двойная защита. Ни слово, ни жест сами по себе ничего не меняли, а вместе вызывали всё, что мне угодно. Например, полёт. Когда я летал с принцем, уставая ужасно и борясь с удушающим страхом, то постоянно проговаривал одну и ту же команду. Каждый шаг — команда. Теперь достаточно было

скрестить пальцы и сказать «выше», «прямо».

Набор команд был пока что небольшим, слишком трудоёмкой оказалась их запись, но сила, которую я уже чувствовал в её развитии, просто распирала изнутри.

Со светом на площадке стало темнее. Тьма сгустилась, прижала нас к светильнику, но я не стал разгонять её, а просто поставил кольцевую защиту, оградив пространство, достаточное для ночёвки. Пашка, уже хорошо усвоивший мои фокусы, разложил спальники, разогрел прямо на колдовской лампе дешёвые лепешки, которые нам всучили в трактире. А какую ещё еду, спрашивается, могли купить себе босяки, спавшие в сарае?

– Могли бы и маслом помазать, жадины!

От Пашкиных слов я даже вздрогнул, в полной тишине они прозвучали неожиданно громко.

– Сам виноват. Сидел бы дома, ел бы сусликов копченых. Ты же хотел приключений. На свою же «же».

– Хотел. Но не опилки же жрать! Лучше придумай консервы какие-нибудь!

– Давай уж, тогда, пилюли для сытости. Проглотишь и – неделю без еды! И фигура станет лучше.

– Сам глотай свои пилюли!

– Ты чего бурчишь? Завтра отъедемся.

– До завтра ещё дожить надо.

– Кайтар, ты что? Опасаешься за желудок, так лучше совсем не ешь, а то ненароком уделаешь тут всё вокруг, злые духи из одного твоего места повывлезают! Или болота боишься?

– Ты же знаешь, что ничего не боюсь. Чего тут бояться? Пустырь как пустырь, плешь на лысине. А раньше здесь, похоже, наш друг гостил.

– Маг?

– Ну а кто же ещё? И псина его громадная.

– С чего ты взял?

– А ты глянь на эти камни. Точь в точь его лапа!

– Ну, похожи. Но он же здесь сейчас не появится.

– Да я знаю, вспомнил просто... Ешь, давай, спать пора уже.

– Ты бы лучше о чём —нибудь хорошем вспомнил, Кайтар!

– Я бы вспомнил, да и без того забыть не могу. А тебе как скажу, так сразу орать начнёшь!

– Да не начну я. И так знаю, о чём ты. Уж сколько раз оговорили.

– А мне—то что, легче, что оговорили? Воздух перемололи, а за ним живой человек стоит..

– Красивый как богиня!

– Да не знаю, как что! Я богинь не видел. Только когда мы про неё говорим, как про аргака, которого сейчас забьём, а шкуру продадим, так во мне все кишки переворачиваются.

– Ты жуй, давай, кишки у него! Вот и заполни их, чтобы не переворачивались. Ты ничего про неё не знаешь, про эту артистку с ядовитыми зубами, а готов всё что есть отдать только за глаза, которые тебя видят, чтобы проглотить как следует, не подавившись.

– Ты, колдун молчи. Ты представь, что за твоей Канчен-Той сейчас пара таких же гавриков идёт охотиться, а я тебе расскажу про глаза. Мало ли, как её жизнь крутанула, мы с тобой ещё зелёные в этом смысле, ни одной настоящей беды не видели.

– Видели, однако. И камнями заложили.

– Это разве беда? Это горе, причём не для них, а для родителей. Им сейчас уже хорошо. А беда – это то, что точит и мучает каждый день, каждый час, и не только тебя, а и всех, кто к тебе привязался.

– Или к кому ты сам привязался, да?

– Да, ну тебя! Сам же всё понимаешь. Ты представь, может у неё свои есть любимые, которых в каком-нибудь подземелье держат. Да и вообще, откуда ты знаешь, что она плохое замышляет?

– Пашка, ты меня достал! Мы какой день по кругу ходим?.. Не знаю я. Не-зна-ю! Может, она королю наркотики везёт, поэтому в секрете держится, а может булабочку

с ядом! Я что, Сияющий, чтобы всё знать? Мы же договорились, что сначала у-точ-ним! А потом будем выводы делать.

– Будешь ты делать! Ты со своими монашьими принципами продашь её, получишь звание скадра и будешь счастлив, что спас мир от гадины. А там ещё непонятно, кто большая гадина. Все из одного клоповника. Ты что, не видел? Гадина на гадине катается.

– Ты чего хочешь? Сам-то знаешь?

– Я-то знаю! Я хочу сам её удавить, если она в чём-то крупно виновата. Но если она только пешка в руках «этих», то я хочу, наоборот, спасти её и пусть они сами меж собой грызутся.

– Ага, ты её ещё в клан приведи! Папочке! Носки вязать!

– И приведу. А надо будет, уйдём в Паучий. Там никто не помешает.

– Разумеется! И мордovorотов приведи для полного счастья. Ты, Пашка, помешался совсем! У неё платьев в дороге два сундука и поклонников, наверняка, две армии, а ты ей обеспечишь холодную ночёвку на скале, вот счастье-то! И экономия какая!

– Я тебе сейчас врежу!

– Ну врежь! Если полегчает. Только не твоя эта дама. Не про таких, как мы! А если станет тебе ровней, так это будет означать, что ты стал таким же клопом, как они, а она никогда не изменится!

– Всё равно пообещай мне.

– Что? Отпустить её? И денег дать на дорогу?

– Нет. Пообещай мне, что если дойдёт до чего-то серьёзного, то я решу её судьбу.

– А если это злобная вражина, тогда что?

– Да ты глянь, откуда ей быть злобной? С рождения что ли? Так она давно бы в подвалах сидела за решетками. За деньги? Так она их внешностью гораздо больше заработает. А вот если ей в душу наплевали, родных задели, любовь изгадили, вот тогда – в самый раз!

– И если это любовь, то ты спасёшь их обоих и поведёшь вокруг родового столба, так, что ли?.. Чего молчишь?.. Так?..

– Знаешь... поведу. Если до этого не отравлюсь.

От последних слов я буквально подавился своей лепёшкой. И надолго замолчал в шоке! Я считал, что та первая любовь, которая заставила меня сочинять неловкие стихи и бежать ночью к кордону, самая сильная на свете.

Но то, что сказал Пашка, тот самый, гроза двора, который мог говорить о девчонках только гадости, причём матом, оказалось настолько выше моего понимания, что совершенно неожиданно этот хулиган стал в сотни раз выше меня, и я готов ему преклоняться, если это действительно так. А он ещё добавил перцу:

– Надо будет, я сам её! Только не отдавать этим паукам... И себя заодно... Так ты можешь пообещать?

Я уже ничего не могу говорить, я просто нахожу Пашкину руку и стискиваю её изо всех сил и он отвечает мне тем же, какие слова могут заменить это древнее священнодействие. В конце концов, жизнь покажет, что там будет дальше и я не могу не уважать это внезапное чувство своего лучшего друга, тем более, что и сам переполнен таким же.

Утро встречает нас тишиной, в которой особенно громко слышно жужжание кольца защиты, облепленное снаружи толстым слоем насекомых. Они гудят, тархтят крыльями, пищат. Оказывается, я забыл убрать свет в результате наших разговоров, и всю ночь творения Природы летели и летели.

Мы хохочем, собираемся, я уничтожаю все свои колдовские штучки, маскируем корзины листьями шкур и снова превращаемся в двух босоногих носильщиков. Сейчас, при свете, это место вообще не выглядит ни необычным, ни угрожающим, ну, торчат три скалы, так где они только не торчат в этой околоторной местности, как осколки зубов во рту старика.

И, только отойдя по тропе вперёд, мы пересекаем маленький ручеёк, около которого в старой, засохшей, закаменелой

грязи виднеется чёткий след огромной лапы с тремя когтями, который ни с чем нельзя перепутать, увидев хотя бы раз. Каким-то чудом остался он от древнего колдовства, затвердевший, и не смываемый дождями. Этот след заставляет всё моё существо вздрогнуть и на миг память обдаёт холодом и запахом дерьма из пещеры.

Возможно, что когда-то, рядом с этим, навечно засохшим куском глины, действительно произошла трагедия, которой нам удалось избежать в Паучьем Замке. И легенда о двух влюблённых вполне могла закончиться на вершине холма у трёх камней. А память народа превратила жизнь в страшную сказку. Да и след наверняка был не один, подпитывая эту память...

И снова дорога. В смысле, тропа, которая, почти не петляя, медленно спускается к реке по весёлым полям, заросшим дикими цветами, огибает вместе с весёлыми ручьями одинокие валуны, стоящие в глубоком раздумье и хочется приподнять их и глянуть, а не лежит ли там меч – кладенец, и мы хохочем с Пашкой, представляя, как пытались бы поднять его вдвоём, упали бы в грязь, а потом я заколдовал бы железяку и мы на ней полетели бы вперёд! Классно!

Ничто не мешает нашему движению. Тропа почти заросла травой и широколистными растениями, приходится по-

стоянно отыскивать её след, который пунктиром прочерчен на каменистых проплешинах. Никто живой не встретился по дороге, только торчат вдалеке столбики сусликов, которые уже греются в лучах Сияющего, да проскользнёт иногда узкая полоска змеиной спины, удирая от шороха наших шагов. Никакого болота. Легенда!

Мы топали почти весь день и в город вошли вечером, с той стороны, с которой нас никогда бы не ждали и почти сразу, в предместье, нашли маленькую харчевню, которая стояла не прямо на дороге, а среди крестьянских домиков, сняли для ночевки пустую после зимы часть сарая с плетёными дровами и прошлогодним сеном и отлично в нём устроились.

Если бы харчевня стояла на тракте, нас, оборванцев, могли бы вообще не пустить приличные ириты, а тут собирался простой рабочий народ и как раз вечером трудно было протолкнуться среди крепко пахнувших тел, гремящих кружками по столам и каблучищами по каменному полу.

Особых новостей в столице не оказалось. За наше отсутствие прошло две королевские охоты, казнили на площади нескольких вартаков, отличившихся особой жестокостью, в соседнем поселении родился двуголовый аргак. Клан Сурка не пошел в горы, значит можно нанимать у них воинов. Наемники-хассаны, новенькие, подрались с наёмника-

ми-гарпегами, им обоим наломали бока воины короля, всё закончилось грандиозной попойкой в харчевне на рыночной площади.

Все эти новости неторопливо перемальвают нескладные языки крестьян в паузах между вливанием согревающего, а мы вместе с известиями поглощаем не первую порцию каши с мясом, пока что не вызывая никакого подозрения своими потрёпанными фигурами.

Потихоньку начинает реализовываться наш план. Договорились о покупке нескольких корзин зелени. Долго торгуемся с солидным, крепким мужиком, который, наконец, сдаётся, толстым пальцем подзывает к себе парнишку и, вскоре, дело сделано, мы отсчитываем монеты, а в сарай поступают две большие ароматные корзины.

– Гаст-Зеленщик! Не забудьте, ребята, Гаст-Зеленщик! Лучшая зелень в Гарвии!

Так мы и спим, в остром и пряном запахе, как мясо в душистом маринаде. С утра, ещё до восхода Сияющего, слегка пачкаем себе лица глиной, превращаясь в земледельцев, прячем в сене парадные костюмы из старых корзин, а кожу оставляем на виду, для любопытных, пусть нюхают, что мы несем. Взяв купленные корзины с зеленью, топаем в направ-

лении Дворца, нагло проходя все патрули и проверки, которыми встречает охрана крепости.

Головные ремни корзин почти полностью закрывают лбы и сползают до самых глаз, поэтому легко удаётся неузнаваемыми пройти во Дворец, и даже на кухню, тем более, что мы прекрасно знаем здесь все черные входы, всех поваров и поварят в лицо.

Как хорошо, что раньше, до Кордона, шатающиеся без дела мэтры догадались обшарить весь Дворец для ознакомления, просто так, безо всяких спецзаданий, сейчас это экономит много сил и нервов. Проходим прямо на склад и пыхтя, как положено при переноске тяжести, сбрасываем корзины к ногам тётки со сложным именем Лана-Тук-Та. Её недоумённый взгляд соответствует не слишком приветливым словам:

- Дарк меня побери! Слизь зелёная! Это ещё откуда?
- Гаст-Зеленщик! Лучшая зелень в Гарвии!
- С ним нет договора!
- Не знаем, мэтресса, нам сказано, мы несём. Не сказано, не несём. Можем нести, можем стоять! Мэтр сказал, вот и получайте. А расчёт – с ним лично! А если, может помочь чего, так мы всегда готовы, а то жрать хочется!

Из этой длинной Пашкиной тирады «мэтресса» понимает два главных факта: появилась халявная зелень и два голодных дурака, которых можно использовать. Видя наши запылённые нашивки клана Сурка она, видимо, соображает, что рабочая сила ей дёшево обойдётся, она тоже в курсе того, что «клан Сурка не пошел в горы, значит можно нанимать у них воинов» и крепкие мальчишеские фигуры означают, что факт подтверждается.

– Жрать?! Слизь зелёная! А поработать не хочется?!

– Хочется! Только у нас в клане даже аргака сначала кормят, а потом гоняют!

– Что же вас, дурней, Ганс не покормил сначала... как аргаков?

– Так он сказал, во Дворце еды полно, тётушка покормит...

Да где же он вас взял-то таких умных?! Ха-ха-ха!

– Так в сарае взял. Спали мы там. А чо?

Последнее провинциальное «А чо?» хохотом сбивает с ног целую – толпу, поваров, поварят, стряпух и поломоек, которая, как оказывается сбежалась на бесплатное зрелище со всей кухни, потому что каждому приятно, что есть балбесы и лохи покруче, чем они сами.

– Ну, вы чего тут разгалделись? Слизь зелёная! Бездельники! Марш работать! А вы – корзины – в холодную, вот туда, потом поешьте, я скажу девкам, и – за водой!

Шикарно! Первый контакт состоялся, теперь, главное, не попасться на глаза тем, кто может нас узнать. Покормили простой кашей, а потом на целый день начались погрузочно – разгрузочные работы.

Что ж, сегодня нужно пустить корешок и понравиться тётушке. В большом хозяйстве постоянно есть текучка кадров и пара вакансий для хороших работяг всегда найдётся! А на самый худший случай мы в любой момент прикроемся ярлыком от короля, где чёрным по белому указано».. всякий чиновник обязан выполнять их указания..»

Носили воду из колодца, таскали дрова, грузили аргачьи туши и даже разделявали их на части громадными ножами, выносили мусор далеко за периметр города, выполняли все указания персонала кухни и вскоре над нами стали потешаться даже повара, приказывая сделать их собственную работу, но, честно говоря, мне это было даже в охотку, всё лучше, чем сидеть в записанных кустах с вонючими шкурами и ждать, пройдёт кто-то или не пройдёт!

На ночь нам велели вымыться, и не на речке, а в моечной, выдали стиранные грубые рубахи и отвели спать в полуподвал для слуг, где стояли нары в два яруса и большой стол для еды, самая наша главная мечта! Потому что за едой, за этим сто-

лом, после маленького курдючка с согревающим, который мы презентовали старожилам, без труда удалось узнать всё!
Всю подноготную королевского Дворца.

Кто, чей родственник, кто законный, кто бастард, кто главное кого, кто – чья жена, сестра, дочь, сын, любовница, у кого какие болезни, уродства на теле и закидоны в поведении, всё до мелочей. Кто храпит, кто смердит, кто и что подкладывает в костюм для улучшения фигуры, кто любит мальчиков, а кто – девочек, многое было противно слушать.

Самые секретные сведения типа времени кормления воинского гарнизона, и его численности, времени развода караула и количество мэтров в охране, секреты питания тайной канцелярии и даже палача, всё рассказали нам добрые ириты.

Мы с удивлением узнали, что в дальнем крыле Дворца живут два ирита из нашего клана, постарше нас, но противные и заносчивые, ни с кем не общаются, жалкой монетки не кинут, как же, они с королём, да с колдуном на одной ноге!

Узнав по описанию самого себя, я понял, что опасность, которая нас окружает, гораздо ближе находится, чем ожидается, и если простые работяги, не прикладывая никаких усилий, знают все наши привычки, то что может узнать профессиональный агент-сыщик?!

А разговоры потекли дальше. И уж, конечно, весёлые, говорливые кухарки не упустили, что во Дворце есть Зрелище.

И там представляют жизнь, как она есть, но ненастоящую, а придуманную. Только это ещё лучше настоящей, потому что «плакать хочется иногда», «всю душу тянет» и так далее. Оказалось, что простой люд тоже не чужд Зрелищу и ирриты на кухне знают потайные места в зале Дворца, откуда всё прекрасно видно и слышно.

После второго курдючка в зале появились и служанки первого сорта, которые ближе к господам, и начался показ того, как происходит Зрелище. То есть, начался домотканый театр про театр. А «провинциалы», то есть, мы, таращили глаза и на всё отвечали «не может быть!»

Мы старались сами не задавать вопросов, а только тихонько рулить беседой, округляя глаза на самом интересном месте и зевая там где было скучно, так что, когда пошёл разговор о красотках в Зрелище, с трудом, но выяснили, что все они здесь давно. Значит, танцовщица пока не появлялась. Ну, иначе и не могло быть, но это уже было не предположение, а информация.

Ночью спали ужасно. Суетня стояла как на вокзале. Чадающие светильники не гасили, в них только доливали масло. Время от времени в тесное пространство спальни врвался громкий голос и звал кого-то на выход. Дворец отдельными своими частями бодрствовал от восхода до рассвета, прак-

тически целые сутки, и вместе с ним гудела кухня. Мне это никогда в голову не приходило изучить, а зря.

Оказывается, одни вельможи крепко спят по ночам, а с раннего утра пьют свои настои и гуляют по аллеям. Другие встают после середины дня, а спать ложатся на рассвете. У тех и других имеются в наличии десятки слуг, которые должны встать чуть пораньше, а лечь чуть попозже хозяев, а они тоже кушают. Мягко говоря! И чувствуют себя «высшим сортом» по сравнению с кухонным народом из полуподвалов.

И когда господам что-то требуется, лакеи не церемонятся ни в словах, ни в подзатыльниках. Мало того, каждый слуга ревностно следит за тем, чтобы к нему относились в соответствии с его положением, по неписанному табелю о рангах, и готов учинить скандал за любое нарушение своих «прав». Вот, почему, свет в спальней горел всю ночь, дверь не закрывалась, всё время раздавались крики на повышенных тонах, никому не хотелось схлопотать за другого.

Во второй день добровольного рабства мы вели себя умнее, получая указания только от тётки Лана-Тук-Ты, которую это вполне устраивало. Неприятный для неё разговор об оплате нашего труда мы легко замяли, а поскольку те, кто работает задаром, могут вызвать подозрение, согласи-

лись на мизерное количество медных монет, но не потому, что глупы, как валуны, а потому что мы здесь, как бы, ненадолго, нас ждут ратные подвиги, а работы любой не боимся! Такая философия тётке нравится. И платить почти не надо и у неё самой сын в охране служит! То есть, мы ей прямо, как сыновья! А, главное, она счастлива, что обдурила двух лохов – провинциалов.

Наша новая позиция позволила высвободить немного времени после выполнения каждого задания, так что мы успели сходить в харчевню, где в сарае оставалась корзина с припрятанными вещами, забрали их и перенесли на сеновал, около кухни, который после полуподвала оказался нам раем на небесах своей чистотой и травяными запахами. Решили тут и заночевать.

Это действие оказалось весьма грубой ошибкой. Вопреки желаниям, не только нам сеновал оказался раем, там целая невидимая очередь стояла на посещение. Весна, молодые служанки, молодые охранники, а мы как дураки, вляпались ужасно, особенно, когда, увидев, что творится в полумраке и, поняв, что надо бежать, вылезли с Пашкой вдвоём, сконфуженные, припорошенные сеном, хорошо хоть, с корзинами!

Прятаться надо было не в самом хорошем, а в самом пло-

хом месте! Нет, не в туалете, конечно. Но место нашлось. Причём в совершенно неизведанной части Дворца. И не наша это заслуга, а просто, кто-то из высших обитателей пожаловался на запах дыма и нас срочно послали чистить дымоход. Сработал случай и богиня Удача.

Оказалось, что во Дворце есть несколько громадных печей и горячий воздух из топки идёт не прямо к небу, а по сложному лабиринту двойных стен в жилых комнатах. И попасть туда можно не из самой печки, чтобы не сгореть заживо, а через что..? Маленькие! Специальные! Дверцы!

Эти золотые дверцы выходили в коридоры Дворца в самых неожиданных местах и были неплохо замаскированы. Но не от шпионов, конечно, а из соображений эстетических, чтобы высшие мира сего не ковыряли свои глаза изображением зачернённых сажей дыр.

И были в этих дверцах маленькие запрятанные глазки», необходимые для того, чтобы чёрная образина трубочиста не напугала светлейшие очи, своим внезапным появлением. И должна эта образина сначала посмотреть в дырочку, а не идёт ли по коридору сановная особа! И если вдруг неожиданная встреча состоится, то не надо гадать, чья задница будет подвергнута хорошей порке.

Примерно так объяснял новоявленным работникам труб и печей их обязанности старенький истопник Кертарь, знавший все переходы и все трубные лабиринты как свои руки. А, поскольку, грязная работа никому не приносила удовольствия и охотников на неё временно не оказалось, то мы стали ещё и обладателями двух шикарных чёрных комбинезонов, в которых выглядели как гости из Преисподней.

Зато, в новом наряде, мы могли шнырять с ведрами и щётками на глазах у охраны в любых местах Дворца! Это был круглосуточный пропуск на предъявителя! Вот что такое чёрный комбинезон!

По сравнению с сеновалом адское место оказалось самым райским раем из всех раёв! Работа состояла в том, чтобы проверить, как идёт дым, нет ли ему препятствий, в случае нужды замазать глиной злосчастную щель, через которую гадкое смолосодержащее газообразное могло достичь нежных ноздрей. Потом следовало ещё и вымести лишний налет сажи на стенках, но не греметь при этом, а делать всё деликатно, щетками!

А нам что нужно было? Да почти то же самое! Попасть в нужное место, щель расковырять, деликатно, конечно, но чтобы можно было подслушать обитателей, а при случае сбежать, используя свой «пропуск».

В лабиринте оказались и запасные, глухие отделы, в одном из которых мы после инструктажа Кертаря разложили свои вещи и намеревались ночью спать, потому что повторять предыдущую пытку не хотелось. Я замаскировал его стеночкой и теперь ни одна душа не пробилась бы в наши тайны.

Оставалось дожидаться нашу незнакомку и узнать, куда её поселят. До самого вечера никто, похожий по описанию на Танцовщицу, во Дворце не появлялся. Поэтому мы с чистой душой напоили старого доброго Кертаря в его каморке, «за знакомство».

При этом пришлось на алтарь пьянства положить и непьющего Пашку, который наливал, резал закуски, выпивал сам и задавал вопросы, а я, примостившись сзади, старательно зарисовывал всё, что успевал понять в пьяном говоре старика. Закончилось это мероприятие песней про солдата и наше трио дошло да куплета в котором ему отрезали вторую руку, когда главный истопник рухнул и был аккуратно уложен на свой топчан.

Каморка старика имела прямой выход в лабиринт, он сам сделал себе дополнительную дверцу и получил крохотное, зато постоянно тёплое жилище, к тому же, бесплатное,

и до работы было недалеко ходить: всего пару шагов и ты уже в черной неосвещенной трубе со стенами из грубо обколотого камня. Здесь же хранился инвентарь. Факелы, вёдра, щётки, глина. И черные комбинезоны.

Мы пошли уточнять начерченную кое-как схему, в процессе чего вполне объяснимо рухнул Пашка, как он ни хорохорился, но по-настоящему пить ещё не умел, и не знал, как себя вести в таком состоянии. Этот клиент внезапно улёгся на черный пол, что-то промычал, и захрапел. Мне пришлось волоочь его по лабиринту, сначала на его ногах, а потом поднять колдовством, и он плыл по воздуху как большой воздушный шарик, и уснул на своём спальнике с корзиной шкур в изголовье.

Я пошел лазить по Дворцу, как будто по кишкам громадного чудовища. Пришлось взять с собой маленький светильник, чтобы не привлекать внимания караульных воню факела, и временами прятать его, когда впереди оказывалась дверь. Хуже всего было то, что дымоходы не везде шли прямо, а я не слишком хорошо умею чертить, поэтому пришлось такие места дополнять записями типа «втор. эт. 20 шагов пов. чуть влево». Я позавидовал тому зодчему, который задумал этого каменного монстра и в своей памяти держал все его тайники, наверняка где-то пылились чертежи, но их надо суметь достать, а потом ещё и прочитать.

Остро и больно меня пронзила шипастая, неуютная мысль: «Почему мы решили, что Танцовщица действует одна? Что за глупость? А что, если это, действительно, заговор? Наверняка, местные знают Дворец, как свою подмышку, им могут быть известны все секретные проходы, мало того, может быть, сейчас они тоже бредут по этим кишкам, только не в потёмках, как я, а точно зная, куда нужно двигаться? Что тогда?» От таких рассуждений стало неуютно и я решил вести себя осторожнее.

Обойдя весь второй этаж, к своему огорчению, попал в тупик. Дымовод закончился. Точнее, он взял и ушел наверх. Наверно, можно было обойти это место по коридорам, но не ночью же! Поэтому я просто взлетел на третий этаж и стал соображать, куда же попал, когда услышал голоса.

Я замер и спрятал «фонарик», злясь на свою неаккуратность. Только тогда, в темноте, стал виден свет, выходящий из щели, которая не могла быть ничем, кроме как потайной дверью, и подошел, ожидая увидеть глазок, но его не оказалось. Это был выход не в коридор, а в комнату. Голос стал ясней:

- .....и так всю зиму прождали!
- Опять!.. Ты хочешь, чтобы я сожалел, что позвал те-

бя? Сколько ты ещё будешь дёргать меня понапрасну?! Когда-нибудь ты сорвёшься и всё погибнет из-за твоей несдержанности.

Два голоса ссорились, но без той остроты, которая вызвана острым гневом. Похоже, что они обсуждали давно начатую и весьма надоевшую тему. Слышался неторопливый звук шагов, лёгкий стук предметов на столе...

– А я тебе в какой раз говорю, что не верю, что мы сами не справимся! Вон дождались зимой хассанов! А завтра кого ещё этот Гирбат притащит?

– Не кричи!

– Я не кричу! И бояться тут некого, ты же знаешь! ... Ожидание сродни гниению... Один продаст, другой струсит, зачем нам кого-то ждать?.. Пока этот аргак дремлет, надо всё быстро проверить! Одна ночь и всё! Ты представляешь? Одна ночь! А хассанам всё равно, кому служить. Хоть вартакам, хоть аргонам, лишь бы платили!

– Не кричи!

– Я не кричу! Ты лучше объясни, что за Сияющий такой объявится, что целое войско должно ждать его? Пусть потом придёт, когда всё будет сделано, что изменится?

– Ты не должен знать всего.

– Ну, конечно, эта ваша дурацкая конспирация! Пока вы молчите, ваша тайна вытечет из-под вас, как вытекает моча

из младенца. Ей тесно! Каждый день вы сами себя ставите под удар! Любая служанка, охранник, полотёр увидит то, что не надо знать, а им вы рот не заткнёте, их слишком много!

– Ты прав, конечно. Но надо быть терпеливым.

– Мы ходим по кругу. Одно и то же, одно и то же! Каждый день.

В конце концов, я здесь не последняя пешка! Уже сейчас я могу сходить к Гирбату! Выслужиться!.. И тогда вас всех не станет!.. Ни одного труса!.. Сдохнете! А потом сам сделаю то, чего вы так боитесь, и некому будет мне мешать! Некому!

– Не психуй, выпей лучше. Вон южное вино, сладкое. Только привезли. Мне нравится.. А это крепкое...

– Я не баба пить сладкое! Ладно, налей....

– Ты прав, ты во всём прав и я завидую твоей решимости, и твоей свободе. Но ты многого не понимаешь... Что с тобой?! Кларон! Что с тобой?!.. Ты жив?.. Жив?! ... Не дышит... Дур-рак! Чуть не провалил всё дело... Аргак!. Жалко... Дур-рак!

Казалось, стук моего испуганного сердца гремит на весь Дворец! Звон гонга, которым зовут слуг, оглушил моё сознание, и без того ошарашенное услышанным, я начал поскорее ретироваться к подъёму, через который проник сюда, поэтому с трудом услышал команду: «уберите и поаккуратней!»

Теперь ждать было нечего, я быстро спустился вниз, чуть

позорно не свалился при этом, успел отойти в сторону и на цыпочках побежал прочь от страшного места. В это время услышал сзади глухой удар упавшего тела, а через некоторое время мелькающий свет факелов подтвердил мою нехорошую догадку. Почти сразу, как только я укрылся в тупике, мимо пронеслась троица в чёрном, двое несли в руках мешок, а третий – факелы.

Шустрые ребята! Они успели запаковать, выволочь, сбросить труп с третьего этажа на второй, перебежали туда по лестницам и коридорам Дворца и теперь утащили тело куда-то вниз, а никто этого не заметил, раз тревоги не было.

Вот тебе и тихое место! Несколько минут я боялся даже шевельнуться, мало ли, куда их понесло? Где будут возвращаться слуги убийцы? Сколько ещё народа посвящено в тайны черного лабиринта?

На сегодня мне было приключений по самое горло, так что я ретировался в тупик к Пашке, сладко храпевшему на шкурах, поставил защиту и фантом, но всю ночь снились кошмары, так что утром, когда мы явились на кухню, наши зелёные рожи полностью соответствовали состоянию похмелья, о котором знали уже все, включая тётку Лана-Тук-Ту.

Впрочем, обитатели кухни знали не только об этом:

– Кертарь, похоже, приболел, я сунулся, а он и есть не хочет, мычит что-то..

– А слышали, Кларон Железный, ну, начальник войска, пропал, а потом тело его нашли, убили, что ли?

– Да нет, его около реки нашли, девки наши, на Рыжих Камнях, с пробитой головой. Стирать пошли, а он лежит. Стражу вызвали, а они смотрели. Похоже, на скользких камнях упал, может ждал кого, ночью-то..

– Да уж, ясно, кого, у него из Нижнего Города краля была, ничего из себя, её уже отвели в караулку, вечером всё узнаем...

– Таак! Вы что здесь, бездельники? Слизь зелёная! Делать нечего? А вас, молодые сорванцы, уже покормили, как аргарков? Бочка пуста, чего ждёте?

Надо было бы поблагодарить Лана-Тук-Ту пославшую нас таскать воду, после новостей, воскресивших мои ночные кошмары, потому что в процессе физических упражнений из головы выходила дурь, отрывками я рассказал Пашке о своих похождениях и ему это явно не понравилось. Теперь придётся срочно искать другое место для своего гнезда, такое, где никто не шастает, но из которого можно быстро пробраться во Дворец.

Мы обсудили изгаженные птицами купола, там, внутри,

пожалуй, было бы неплохо, но слишком высоко и наверняка подъём и спуск по неведомым пока что лестницам не мог проходить незамечено. Идеальной была наша комната в дальнем крыле, но туда нас просто не допустили бы в этих лохмотьях, и, кроме всего, в неё спокойно заходили полomoйки и горничные, которые не оставили бы в секрете наш маскарад. С этими мыслями мы закончили заливать громадную бочку и, конечно же рассчитывали на небольшой отдых, когда услышали наигранный тёплый голос тётушки:

– Они где-то здесь, бездельники, ах, как трудно управлять молодыми сорванцами, мэтр! Слизь... простите! ...Ну что вы, я сразу пришлю этих лоботрясов, и будьте с ними поостроже, не успеете оглянуться, как они уже удерут за какой-нибудь юбкой... ах, хахахаха! Да, что вы, они мне как сыновья... а вчера, не поверите, напились так, что их до утра не могли найти, а сегодня выползли, бездельники, есть захотели, как аргаки, ах, хахахаха! Ну, вы и шутник, мэтр...

Голоса говорившего ей мэтра невозможно было разобрать в её бесконечном тарыхтении, но угроза в нём явно не звучала и мы решили не прятаться. Выйдя из-за бочки, приблизились и совершенно растерялись, увидев Аэртана Мудрого собственной персоной, которому, как и положено, устроили преклонение колена.

- Да, госпожа, вы были правы, этих сорванцов я знаю хорошо. Так я заберу их на сегодня, а поесть они сами придут.
- Может быть, переодеть их, мэтр, они делали грязную...
- Не надо, госпожа, вы слишком любезны, у меня работа тоже не слишком чистая, только пусть возьмут вёдра с водой и какую-нибудь рвань, а уж отдыхать им не придётся, будьте уверены!
- Ну, что стоите?! Слышали, что сказано? Давайте бегом!

И мы дали бегом. С вёдрами и тряпками как арестанты потянулись за Мудрым, который молча, важно и неторопливо прошел по двору, здороваясь и раскланиваясь со встречными, провёл нас через караульного и мы шли, согнувшись, как последняя чернь, прижимаясь к стенам, чтобы своим видом не осквернить... хотя, пусто было в коридорах, это было то время, когда знать только поднимала головы и гонгом звала к себе служанок.

– Вот это, юноши, называется книга. В каждой книге содержится мудрость нашего мира. С этого шкафа снимите все книги и сотрите с них пыль, с каждой, только не намочите зря, а складывайте сюда. И работайте молча, мне нужно подумать.

Что делать? Он разговаривал с нами так, как будто кто-то мог подслушать его слова. Мы начали снимать книги, пы-

ли там, действительно хватало, так что я позволил себе заглянуть в заголовки, с удовольствием узнав несколько книг из замка, как старых знакомых. Наконец, все они переключались на пол.

– Этот шкаф надо отодвинуть от стены, я боюсь, что там пролезают грызуны, что-то шуршит, по ночам.

Мы стали двигать тяжеленный плетёный шкаф, пока между ним и стеной не образовалось пространство, в которое можно было легко проходить, вытерли пыль и там, со стены, со шкафа и на полу.

Аэртан подошел к входной двери и задвинул её засов, после чего также молча подошел к нам, прижал палец к губам и, нажав какую-то пластину или камень на стене, повернул часть её, также оказавшейся дверцей, заглянул в пустое пространство и позвал нас к себе.

Мы вылезли в такой же дымоход, по которому я бегал вчера ночью и колдун, внимательно оглядевшись и, видимо, перекрыв проход, повернулся, наконец к нам и зашипел:

– Не испачкайтесь сажей! ...Вы представляете, во что вы вляпались, самонадеянные глупцы? Вам разве не нравится больше бегать по горам? Слава! Деньги! Всё у вас есть, разве мало? Надо приключений, так идите на войну. Там всё чест-

но, друг сзади, враг впереди!

– Мудрый...

– Не перебивай! Я уже два дня чувствую твоё колдовство, Мроган! Ты думаешь, я один такой? Может быть, за вами уже идёт охота?.. Ты видел кларона?.. Начальника стражи... Такой же упрямец, как и ты! А убили его свои же!

– Я знаю, не видел его, но слышал.

– Ах, слышал! Он слышал!.. Тебе за это «слышал» проломят не только голову..

– Его отравили..

– Ещё лучше. А тебе ещё и язык вырвут. Зачем вы в это ввязались?

И я рассказал. Как мог, путано, с ужасом иногда думая, а можно ли доверять колдуну? Рассказал о задании короля, об осточертевшем контроле на кордоне, о Танцовщице, о своих мыслях и даже о коротком пути через болото.

– Какие же вы ещё дети! Вы всё витаете в небесах, думая, что Сияющий всех греет своим теплом. А на самом деле здесь идёт борьба, драка за власть. Каждому хочется жить во Дворце, а не в лачуге. Есть законы о наследовании власти. Но их постоянно стараются обойти те, кому меньше досталось. А тот, кто у власти, старается сохранить её.

– Разве у короля мало власти?

– Много! Но у короля много забот. У него войско, а в вой-

ске есть недовольные. Королю нужно защищать страну, а для этого нужна ещё и казна, потому что солдат надо кормить. Нужно содержать Дворец, свиту, послов, гонцов, шпионов, делать подарки, организовывать балы, охоты, браки с принцами и принцессами других королевств, а для этого всего нужно золото!

– Но он же – король! Скажет и всё золото будет у него! Мы же отправляли сюда то, что нашли в пещере?

– Какой ты умный, мальчик! Ну-ка, попробуй отними у тебя последнюю одежду, что ты сделаешь? Плюнешь и уйдёшь в Сарпанию к своей ненаглядной. А если вас много наберётся, так соберёте толпу и устроите бунт. Поэтому собирают только часть. Но и тут много бывает недовольных. Пока в стране мир, всем кажется, что с него зря дерут последние медяки. А пока есть недовольные, найдутся и подстрекатели, которые наобещают много, а потом выдавливают масло из тех, кто им поверил. Покажи ещё раз, где это было вчера?

Оставив Пашку в карауле, мы пошли в сторону тупика, в который сбросили тело и я показал тот подъём, по которому так быстро удирал. А потом также, молча, вернулись.

– Ты уверен, что это именно там, Мроган?

– Да, я же с записями ходил, пометки делал. Только у меня нет рисунка Дворца, как он сделан, поэтому я сам всё рисовал.

– Вы сделали много ошибок и я не знаю, чем эта история может закончиться. Посмотрите-ка сюда оба.

Мы с Пашкой наклонились к столу и оба вздрогнули. На нас смотрела Танцовщица. Не совсем она, рисунок сделан не слишком хорошо, дорогая одежда слишком бросалась в глаза, но что-то было в этом портрете, размером с ладонь, такое, что не давало возможности спутать.

– Это она, мэтр!

– Кто – «она»?

– Та девушка, танцовщица!

– Да не кричите вы, оба! Какая из них?

Только сейчас я замечаю, что её портрет лежит среди десятка других, выполненных в той же манере, и даже чем-то схожих друг с другом, но её глаза – самые яркие.

– Вот эта.

– Это не она..... Это её мать... Все думали, что они погибли, и мать и ребёнок, а оказывается это не так.

– Кто она такая?

– Дочь одного торговца. Они даже родом не из Иллирии ещё дальше, из крайних земель. Он ездил торговать, а потом осел здесь навсегда.

– И что дальше?

– Дальше обычная история. Она очень понравилась старому королю, отцу Гирбата, но он не мог открыто проявлять свои симпатии, а потом об этом узнали. У нас всё быстро узнаётся!

– Так наша незнакомка – сестра короля?

– Да. ... Хотя, формально она – никто. Матери пришлось бежать из королевства, потому что должен был родиться ребёнок, возможно, претендент на трон. Никто не знал, какого пола он появится, но если бы это был мальчик, их убили бы сразу же, он оказался бы злейшим врагом всем мужчинам династии. Она не могла сидеть и рисковать.

– И теперь дочь едет... прямо в пасть?

– Нет, не совсем, никто же не знает, и, лишённая титула, она здесь никому не опасна, если только...

– Что – «только»?

– Если только сама не мечтает о троне, или мести, или кто-нибудь не использует её как оружие.

– И она раньше не была у короля?

– Исключено! Уж я бы знал об этом.

– Но у неё пропуск с его печатью.

– Или подделка, или его выдал тот, кто имеет право выдавать такие пропуска.

– Это значит, что в заговоре участвуют очень влиятельные ирифы?

– Теперь ты понимаешь, куда вы вляпались?

– Но если так, то надо рассказать королю. Мы боялись это

сделать, думая, что она служит ему. Надо срочно рассказать. Только так, чтобы никто этого не мог слышать.

– Ты прав, мэтр Мроган, твой ум всегда поражал меня. Я смогу это сделать. Может быть, даже сегодня. Это удача, вечером я должен говорить с королём о звёздах, это одна из моих обязанностей..

– О звёздах?

– Да. В расположении звёзд многие мудрецы читают будущее по специальным книгам. И короли прослушиваются к голосу звёзд, когда принимают важные решения. Разве ты не знал?

– Слышал об этом, только никогда не верил... Она может приехать в любое время.

– Это не страшно, потому что в официальных визитах, судя по вашему описанию, такой особы точно нет. Значит, она придет неузнанной, скорее всего, в группу зрелищ.

– А если она и есть тот, кого так ждут?

– Ну, допустим. Пусть даже тот. Но если из-за нетерпения погиб кларон, значит заговорщики ждут не только появления кого-то неизвестного, а ещё и непредсказуемого для нас события. Давай потерпим, Мроган.

– А стоит ли наниматься к ней?

– Это всё равно, что совать голову в пасть хищнику!

– Ну, мы тоже не травоядные. И можем ничего не пить в гостях.

– Ты маленький, самонадеянный выскочка! Мальчишка!

Думаешь, тебя вызовут на честный поединок? Яд не единственное средство, и он может находиться не только в бокале.

Бывают ещё секретные колодцы, кинжалы, тайные порошки, от которых любой ирит может сделаться безвольным и выполнить нужный приказ. А потом, когда ты уже станешь мёртвым, послужишь вторую службу, на тебя повесят измену, превратишься в виновника и поможешь заговорщикам замести следы. Кстати, может для этого она вас и хотела нанять?

– Чего они могут хотеть? Чего добиваются?

– Да кто же знает? Но судя по тому, что ты услышал, это не маленькая личная месть, это целая организация, значит, метить будут по престолу, по королю, а может быть, и по всей династии, тогда понятен этот тайный размах и терпение.

– Прости, Мудрый, но что же нам делать?

– Не высовывайтесь. Научитесь ждать. Вы своё дело уже сделали. А я постараюсь поговорить с королём. Ночью придёте сюда и здесь переночуете, за этим шкафом. Только не шумите и свет не зажигайте. И вещи свои сюда перетащи, а то валяются где-то. Ну, всё, шкаф оставь на этом месте, а книги поставьте, как они были. Ой, чуть не забыл, Мроган, тебе же послания из дома!

Я чуть не упал от радости и неожиданности. Письма – это такое счастье! От одной только фразы «Дорогой сынок...»

из глаз закапало и я отвернулся от своих друзей. Дома всё было хорошо, в письмах всегда всё лучше, чем на самом деле, скоро должен был появиться малыш, Отец гоняет молодых на занятиях, в этом сезоне в замок не пошли и решили укрепить клановую крепость, так что дел у него по горло, мать уже ходит с трудом, маленькая Фарис-Та сама выполняет всю работу по дому, такая большая стала... А ещё отец начал учиться писать по моему примеру...

Как мне захотелось туда! Сунуть свою голову к ним в руки, а не в чью-то пасть, и почувствовать этот непередаваемый уют родимого гнезда. А я тут копаюсь в ядовито опасных интрижках ископаемых древних любовниц, ну и вправду, зачем мне это нужно? Разве король – мой друг? Конечно, хорошо, что я его знаю, и хорошо, что он мне лично симпатичен, наш владыка, но если на его месте будет другой, в нашей простой жизни ничего не изменится.

Второе письмо было от Канчен-Ты. Написано оно было также под диктовку, но перед чужими моя любовь не могла, конечно, откровенничать, поэтому содержание больше напоминало отчёт о проделанной работе. Её папа и мама посылали мне большой привет. В конце шли каракули, как у меня давным-давно, в первом классе, Канчен-Та тоже училась писать...

– Кайтар, у тебя дома всё в порядке, без подробностей. Все живы и здоровы, отец бузит как всегда, тебе привет от матери.

Мы пахали до самого вечера, только сходили поесть, перетёрли все ценности в келье колдуна, шкафы, кресла и даже стены, отрабатывая свою провинность. Пару раз, осторожно постучав, заходила тётка Лана-Тук-Та, которая, убедившись, что колдуна рядом нет, пыталась выведать, что мы делаем, поминая свою «слизь зелёную», но мы притворялись пентюхами и драили ещё усердней.

Стук маленьких подков на улице я услышал только потому, что увидел как перекосялся Пашка, я бы не обратил на этот стук внимания. Под самым потолком кельи было небольшое окно, через которое можно было, слегка изогнувшись, разглядеть парадное крыльцо. Мигом взобравшись наверх мы увидели то, чего ждали два бесконечно длинных дня.

Аралтанов теперь было два и между ними висел маленький домик или большой сундук, почти как туалет на огороде, обитый красивой тканью, из которого вылезла Танцовщица, Кандрес-Ка, предположительно, заговорщица, тайная сестра короля, Пашкина страсть.

Боясь, что мой друг упадёт с высоты окна, я придержал его за локоть и он вздрогнул, жадно проследив, как гибкое тело, сверкающее блёстками драгоценностей, украшенное теперь гораздо ярче и богаче, чем на кордоне, прошествовало во Дворец, сопровождаемое мажордомом, парой военных, своими телохранителями и кучкой любопытных горничных.

Как и предполагал Мудрый, вошла она в боковую дверь, значит высокопоставленной особой не является. Это хорошо, потому что подноготную жизнь иритов второго сорта скрыть невозможно, она является во Дворце общим достоянием. И зайти к ней тоже будет легче, если такая необходимость появится. Мы же с Пашкой не просто слуги, мы воины клана! То есть, даже в своих лохмотьях, мы официально равны ей.

Колдун заявился, когда уже стемнело. Он сумел поговорить с королём, но совершенно безрезультатно. К сообщению звёзд его Величество отнёсся куда более серьёзно, чем к информации о том, что прибывшая сегодня артистка является его сестрой и заговорщицей одновременно. Мудрый не стал подробно объяснять его Величеству, откуда у него такая информация, боясь выдать нас своей неосторожностью. Зато, получил обидный совет не вмешиваться в политику и больше общаться с делами небесными.

Колдун опасался говорить громко по очень простой причине. Хотя они с королем были наедине, доверять дворцовым стенам было нельзя. Кроме простенок для отопления, здание было напичкано потайными проходами, подземельями и тайными лестницами. Никто не мог гарантировать, что под видом вентиляции, водоотводных труб и других конструкций не прятались отверстия для подслушивания и подглядывания.

Ничуть не напугало короля и напоминание о странно погибшем клароне. Несколько обескураженных сообщением, колдун вернул нас тётке Лана-Тук-Те и, в качестве маленького презента, всунул ей листочек с колдовством на случай болезни, который она приняла очень благосклонно.

Сидя на кухне и отъедаясь за весь день, мы снова услышали новость, которую своими глазами видели, и спровоцировав рассказчиков фразами типа: «Враки всё это..», узнали, что это «шикарррная» танцовщица, что она любовница иллирийского Владыки, что у неё целый отряд гигантов для охраны, и шикарный дворец, не чета нашему, а приехала она, потому что путешествует, а, может, и имеет виды на нашего Гирбата, а что, «он мужик хоть куда, ха-ха-ха».

Теперь мы знали, где искать. Основываясь, видимо, на принципе «девочки отдельно», её поселили в крыле, про-

тивоположном тому, которое мы сами занимали, на третьем этаже, там же жили и другие девушки из «зрелища», с той лишь разницей, что они жили как в общежитии, в общем зале, а у танцовщицы оказалось две комнатки с предбанником, в котором разместились её истуканы.

Всё это мы узнали, не задав ни одного вопроса, только недоверчиво хмыкая, в ответ на что сыпались новые красноречивые факты.

Честно говоря, у меня уже выросло огромное желание умотать отсюда подальше, домой! Сходить снова в Паучий Замок, побродить по горам, или отправиться в дальнее от нас королевство, посмотреть, как там народ живёт. Если уж сам король не желает слышать о том, что ему угрожает, зачем нам соваться в это болото?

Единственно, что сдерживало от этого рывка, было обязательство перед Гирбатом, он был добр к нам и на что-то рассчитывал, посылая на кордон. Да и Пашка теперь прилип ко Дворцу как к паутине.

Не зная, что же, собственно делать, мы пошли забирать свои вещи из тупика, потому что там им валяться было незачем, это уж точно. Пройдя через каморку и снова превратившись в чёрных страшилищ, дошли да обжитого уже тупика,

и перенесли корзины к колдуну.

Я с удивлением и удовольствием обнаружил, что в этой части лабиринта ориентировался уже неплохо. И мысли потекли в другую сторону. Собственно, чего нам бояться? Я легко ставлю стенки, фантомы, Пашка быстро заедет в глаз любому недругу, оба мы неплохо дерёмся, и даже вместе можем улететь в случае особой опасности. Хоть со связанными руками.

Разложив свои «постели» в виде узко сложенных втрое спальных мешков, мы обсудили эту мысль и Пашка поддержал её ещё горячее, чем я высказал. Конечно, коварство – страшная вещь, когда не знаешь, чего можешь ожидать, но это значит, всего лишь, что надо ожидать подвоха с любой стороны.

Наша задача какая? Очень простая. Остаться в живых. Всё остальное – мелочи. Ни деньги, ни должности нас не прельщали, мне было просто любопытно, а Пашка находился во власти своей страсти, так почему же нам не «пошалить», как говорил Карлсон?

В келье колдуна было темно, только со двора в маленькое окошечко пробивался слабый свет дежурных факелов, поэтому поболтав немного, и хорошенько отдохнув, решили

прогуляться, тем более, что черные балахоны, как маскхалаты, всё ещё были на плечах.

Для начала нужно было найти переход в другое крыло так, чтобы по возможности, не выходить в коридоры. Стараясь не шуметь, мы быстро дошли до тупика и вдвоём взлетели на третий этаж, оказавшись около двери, за которой вчера отравили кларона.

Честно говоря, страшно было. Но этот страх уже подавлялся конкретным желанием. Я настолько обнаглел, что зажег светильник на том месте, куда свалился труп, на случай вынужденного бегства, и поставил стеночку около дверцы заговорщика, за которой сегодня была тишина и темнота

Мы пошли по новому коридору с моим «фонариком», без которого я бы не смог ориентироваться, а, главное, не мог бы рисовать. На схеме появлялись всё новые ответвления, которые мы маркировали незаметными кусочками камней или нитей из наших балахонов. Нашлись выходы в коридор, но нам нужен был проход в соседнее крыло Дворца – замка.

Мы обшарили все ответвления, которые дважды сделали большие полудуги, охватывая чьи-то важные апартаменты, там где они обрывались, были выходы в коридор, мы в дырки видели замаскированные дверцы с другой стороны, но не ре-

шились выходить и пугать охрану. Да и зачем?

Выход отсюда, с третьего этажа, был таким же, как и в тупике на втором – наверх. Взлетев, обнаружили то, что и должно было быть наверху. Сюда сходились проходы с нижних этажей и как в горлышко гигантского кувшина, уходили вверх, это место оказалось просто большой печной трубой, выходящей наружу.

Для её чистки в стене торчали замурованные в камень железные крючья, на которых висела толстая веревочная лестница. Пашка слазил наверх, пока я рисовал, посмотрел на небо, которое начало затягиваться тучами, и, спустившись, мрачно сообщил, что сверху просто стоит небольшая крыша, закрывающая трубу от дождя и снега.

Мы опять спустились и снова обшарили третий и второй этаж. Перехода не было. Это уже начинало злить. Хотелось спать, всё-таки целый день мы на ногах и неплохо вкалывали. Я бы сдался, но в Пашку как будто вселился дьявол, он ходил без остановок, не подавая признаков усталости, мне приходилось идти за ним и, пользуясь этим блужданием, уточнять свои зарисовки. Это брожение закончилось нелогично. Оно сопровождалось Пашкиными ударами самому себе по голове и злым змеиным шипением, заменившим связные слова:

– Дурак, аргак, дурень, балбес недоразвитый! Трижды дурак! Вояка недоделанный!

В этой речи было много бессмысленных фраз и я молча ждал, когда же начнутся нормальные.

– У меня две руки?! Две! И ноги – две!

– Ну и что?

– Так чего же мы ищем палец только на одной руке?!

Я ничего не понял в его руках и ногах, а Пашка быстро пошел назад, туда, где сходились в одну все кишки и где была выходная труба. Я – за ним. Мы поднялись на крышу по лесенке и подъём мне не понравился, всё время казалось, что сейчас вылетят металлические закладки или лопнут древние верёвки.

На крыше острыми пиками торчало множество башенок, и я не сразу понял, чего добивается мой друг, пока он, рискованно громыхая по черепичной кровле не перешел по крыше далеко в сторону и там обнаружился второй спуск во вторую трубу, которая шла от второй печки.

До меня дошло, наконец, и теперь Пашкины слова я со злостью применял к себе самому. Правда, дурак! Кто нам сказал, что в таком здоровом здании только одна печка? Их может быть и две, и три, вот почему Пашка говорил о руках и ногах.

Снова противный спуск, который ещё хуже подъема и начался он с грохота крыльев целой стаи черных птиц, которые нашли здесь ночлежку. Такой же узел проходов, уходящих вниз. Полёт вдвоём вниз, потому что искать дверцы и переходы было уже некогда. Третий этаж. Зарисовывать тоже некогда. Вперёд! Марш-марш! Только ставится метка на перекрестии ответвлений.

Стены, бесконечный черный камень, грубо рвущий остатки одежды необработанными краями. Конец ответвления. Дверца с дыркой, кусок коридора, когда же это кончится? И что Пашка собирается найти, если выходить нельзя? Мечемся, как чокнутые!

Назад. Перекрестье. Метка встаёт на своё место. Это новый рукав, вперед! Черный камень, кишка уходит по дуге, тупик, дверца, коридор. Никого! Тишина... Правильно, уже ночь в разгаре! Все нормальные спят, ненормальные живут на вторых этажах. Опять назад. Перекрестье. Ставлю метку. Новый рукав! Вперед! Черный камень. Белая полоса...

Замкнувшаяся на себя и оступевшая мысль вдруг обрывается: «Нашли?!» Белая, ослепляющая полоса – это дверь, за которой есть свет! Тихо! Я пихаю Пашку, а он закрывает мне рот ладонью! Поняли то, что увидели, почти одновре-

менно. Я гашу свой фонарь. Теперь видна только щель.

До меня дошло и ещё одно: все тайные дверцы расположены в комнатах около перекрестий или около взлётов. Ну, да, естественно, так и должно быть! Логично! На то они и тайные, чтобы быстро прятаться или удирать. Какому мирному ириту придёт в голову слоняться по грязным чёрным тайным ходам?

Теперь надо ждать хоть до утра, лишь бы узнать, кто живёт там, за дверью. Тихо как в могиле. Хотя, нет, какие-то шорохи пробираются в щель между камнями. Похоже, я заснул на какое-то время. Голос врывается в тишину внезапно:

– Что тебе?!

– К Вам, госпожа.

– Проверил?

– Конечно, госпожа.

Слов не слышно, видимо, согласие даётся жестом. Это – она! В подтверждение получаю от Пашки удар в ребро, он тоже услышал.

– Принцесса!

– Не надо!

– Простите, кларонелла, мы заждались... Ах, да, «Терпение утомляет»...

– «Терпение вознаграждается.» Рада Вас видеть, брат!

– Вы так осторожны, словно здесь есть опасность? Нашли что-то?

– Я всегда осторожна. Это место мне незнакомо. Я его не выбирала. Жизнь слишком хрупка, а я слышала, у вас тут очень скользкие камни...

– И длинные языки! Простите, сестра, так надо было!

– Я верю, что надо. Мне только не нравится, что это происходит в такие важные дни! Это, в самом деле были камни?

– Нет... Яд... Он не мучился. Ещё раз, простите, госпожа. Как добрались?

– Как всегда в пути! Ужасно! Вонючий скот. Пыльная дорога. Глупые, глазящие рожи. Что тут хорошего?.. На кордоне пришлось показать... то, что вы прислали. Не понимаю, зачем? Почему? Тупой охранник вынудил меня идти на крайность. Прилип как... Но причин не было. Я уверена... если кто-то не подсказал... А сам он туп, как валун. Выполнил приказ? Чей?! Что тут у вас делается? Поголовная проверка?... Задержали даже курьеров! Настоящих, там и сомневаться нечего! Почему?

– Я ничего не слышал, сестра, указаний не было. Я бы знал...

– А если Вам не доверяют?

– Мы всегда друг другу не доверяем, но служба остановится, если недоверие станет активным... Приказа не было.

– Приказа не было! А мне пришлось целый день торчать в грязном Ирит-Таре! И вот! На следующий день! Проверки

на кордоне не было! Не! Бы! Ло! После меня – не было! И Вы говорите о моей осторожности? Я не верю в совпадения!

– А ещё что-то было необычное?

– Кто же теперь скажет, что считать необычным? В дороге всё всегда неодинаково. Всё необычно! В Та-Бене все ночлежки полны странными фигурами с бандитскими рожами, мне еле нашлось место для ночёвки. На дороге торчали наглые мальчишки. Один из них дважды уложил моего болвана. Без оружия. Смеясь! Вы видели моих болванов?

– Да, сестра. Мясо!

– Мальчишки ушли впереди меня в эту сторону. А куда пришли? Где они сейчас? ...Было странное семейство: муж, жена и его мать, ходили гостить к родителям жены... С каких это пор свекрови ходят в гости? Да ещё пешком!..

– Это были мои слуги, сестра.

– Ага! Ну, хоть что-то перестаёт быть странным.

– Что нам сейчас делать, сестра? Воины....

– Брат!

– Простите, сестра, горожане волнуются..

– Какое Вам дело до горожан? Серьёзные дела надо и делать серьёзно! Если Вы не можете сдержать чернь, значит надо остановить всё! Я хочу осмотреться. Может быть, вы правы, недоверие может истощить. Может быть, мне всё мерещится. Но я хочу исключить любую глупую случайность.

– Хорошо, сестра.

– Постарайтесь найти мальчишек. Дерзкие как колючки,

худые, рваные, клан я не разглядела, тащили пачки кожи, в Ирит-Таре ночевали в сарае, а в Болотине и Сыро-Яме их не было! И на кордон не возвратились! Где они?

– Там есть тропа, сестра...

– Прекрасно, что есть! Вот и найдите их следы. Только не трогайте. Они мне пригодятся с такими-то талантами! Приведёте сюда. Добровольно!

– Но сестра! Это... опасно... слуги...

– Ну, не надо так уж прямо! Пусть что-нибудь принесут, или починят, ну, сами придумайте. Или через чёрный ход. Должен же здесь быть чёрный ход?

– Да, сестра. Есть. Я понял.

– Идите, брат. Я устала сегодня.

– Отдыхайте сестра. Рад был видеть Вас.

– Идите, идите...

– Что тебе?!

– Он ушел, госпожа.

– Я лягу спать. Ты будешь здесь, Фудьяр – там. И не дремать! Днём отоспитесь! Здесь могут быть тайные двери. Выпусти Хиска.

– Хорошо, госпожа.

Услышав хлопанье крыльев, я понял, что Хиск не сулит нам ничего хорошего и лучше ретироваться, тем более, что всё важное нам повезло услышать. Увести Пашку удалось,

только показав ему кулак, пока мы выбрались через крышу, спустились в «свою» трубу, и добрались до каморки Кертаря, прозвенел колокол на крыше. Полночь. Опять встал вопрос, где же ночевать?

Завтра неизвестный должен найти нас среди кухонной прислуги. Можно и в каморке, но лечь тут было откровенно, негде. Да и найти нас следовало легко, так, чтобы не могло сложиться впечатление, что «эти пацаны каждый день прячутся». На нарах придётся весь остаток ночи вскакивать от криков. Зато, можно узнать последние новости. Хотя, с другой стороны, куда уж ещё больше новостей?

Сеновал! Зря мы от него отказались. Подумаешь, кто-то пошуршит, им ведь не нужны скандалы, парочкам важен интим, а нам всего-то и надо – поспать немного. Лишь бы не орали над ухом!

Я изложил Пашке доводы, он согласился, нашел в каморке бурдючок, залил его водой и мы вышли, наконец, на свежий воздух, пошатываясь и прикладываясь, как и полагается перебравшим юнцам. Зашли на кухню, устроили маленький скандал, вытребовали еды и всем сообщали, что на сеновале гораздо лучше спать, чем есть.

Впервые ночь прошла замечательно. Шуршали и пароч-

ки и мышцы и ещё кто-то, но никто не орал над ухом, было темно, запах подгнивающей травы, прошлогодних цветов успокаивал и согревал замечательно. Утром, когда нас растолкала мальчишка, сеновал подарил ещё и маскировку, прилипшие к одежде растения бросались в глаза и закрывали чёрные пятна, полученные в лабиринте.

– Госпожа зовёт.

Ну, госпожа, так госпожа. Но уважающим себя воинам надо привести внешность в порядок? Надо. Сходить, потом умыться, а вот и мы!

– Вы куда подевались?! Слизь зелёная! Бездельники! Сколько ждать можно? Работа стоит!

– Работа не убежит, госпожа. Мы разве не работаем? А вот монеток ещё не видели ни разу.

За спиной тётки Лана-Тук-Ты маячит рожа, одетая в костюм замковых слуг, как это его напялили на такие плечищи?! Поэтому мы всё понимаем, но роль надо играть до конца. Слуга, так слуга!

То-то наша хозяйка, перед которой все слуги на цырлах ходят, сейчас так перепугана!

– Какие вам монетки? Ах вы, дармоеды! Слизь зелёная!

– Простите, тётушка, спали даром, было дело, а вот есть

ещё никак не ели, так мы и не возражаем, а потом мигом и бочку зальём и всё, что прикажете, хоть опять шкафы двигать!

– Куда вам ещё жрать? Вон, ирит ждёт, потом поедите!

– Ну, какая вы, тётушка, в самом деле. Ну, не жадничайте, дайте и ему поесть, он тоже подневольный, вон, худой какой!

– Какая я вам тётушка? Слизь зелёная! Охламоны! Так поработаете! Не развалитесь!

– А вот не надо на нас кричать, госпожа, мы ведь можем и в другом месте пристроиться, а кричать на нас и так есть, кому, у нас в клане даже аргака сначала...

– Госпожа! Пусть мальчишки поедят. А то и правда, будут плохо работать...

И нас усаживают за её личный стол и вся кухня это видит, и приносят еду, которой мы здесь ни разу не видели и даже вино в глиняных бутылках, которое, впрочем, тут же уносят по знаку широкоплечего «слуги».

Значит, мы нужны трезвыми.

– Видал, как нас хозяйка кормит? Уважает потому что! Давай, ешь, тебя твой жмот небось копчёным не угощает?

– Нет, я ел уже.

– Ел он! Тощий совсем, как лоза, ешь, бери, задаром же, а уж мы тётушке отработаем!

– Нет, не хочу. А вы из клана Сурка, что ли?

– А что, не видно? Мы кланы не меняем.

– И как там Карг Обожженный поживает? – началась примитивная проверка.

– Сам ты, Обожженный! Карг Обгорелый его зовут. Он великий воин. Чего ему поживать? Он живёт хорошо, клан крепкий.

– А чего ж вы в таком рванье ходите?

– А потому что мы свободные ириты! Это ты, как мышь домашняя, в пыли возишься, а мы куда хотим, туда и идём! Мы воины! А ты, небось кинжал от кухонного ножа не отличишь. Мы-то завтра переоденемся, а ты в своём балахоне так и будешь прис-лууживать!

Мужик молодец, ни один мускул на лице не выдал злости, которая не могла не появиться после Пашкиных слов. Даже, наоборот, заулыбался слегка:

– Вы здесь недавно. Откуда вам знать, кто и кому прислуживает? Говорят, в Ирит-Таре видели двух воинов, похожих на вас, таких же ободранных, не встречали их, случайно?

– Тебе-то не всё равно?

– Если прислуживать, то плевать. А если служить, то интересно.

– А откуда это известно?

– У нас любят посплетничать, не заметили?

– Ирит-Тар далеко.

– Ну, молодой воин может за день дойти.

Я внезапно чувствую, насколько шатка наша позиция. Мы же не знаем, кому служит этот «слуга». Если сейчас нас возьмут, то наша тайна рассыплется в один момент, мало того, сразу выйдут на свет Мроган и Кайтар. Если уж Танцовщица сразу раскусила, что мы необычны, то специалисты расколют таких невежд за один вздох, достаточно спросить их имена и тут же будет полный провал, потому что легенду мы по-нормальному не продумали. Думали, допросы нас не коснутся.

И нечего сейчас задираться, тем более, что я не знаю, кто этот «слуга», кого он представляет, и даже, если он скажет, верить этому будет нельзя. Не зря же тётка перед ним готова ковры стелить. Я пихаю под столом Пашкину ногу и сдаю назад:

- Воин может и за день.
- И как там тропа?
- Хорошим ногам любая хороша. Может, пойдём работать? Чего делать-то?
- Вы же голодные!
- Ну, мы же не аргаки, чтоб целый день жевать!
- А чего же меня задирали?
- Ладно, забудь. Характер такой.
- Характер, это хорошо. А зачем пришли сюда-то? Сидели бы в клане.

– Заработать нам надо. Одежду купить, оружие. В клане скучно. В этом сезоне даже в горы не пошли, по кордонам сидеть совсем тоска, а здесь, может, сумеем в охрану попасть.

– Ну и как тётка, платит?

– Да она скорее удавится, чем даст монетами. Кормит, и то хорошо.

– А шкуры -то где?

– Спрятали пока, если ничего не получится, отнесём до-мой.

– И как же звать вас, «воины».

– Меня зови Шило, а его – Копыто.

– Ну, пошли, «Шило!». Вот уж, точно, шило! – смеётся. Ладно уж, доедайте спокойно.

Проверка, похоже, закончилась. «Слуга» в курсе всех наших дел и, скорее всего, его появление есть прямое продолжение ночного разговора у Танцовщицы. Клички своих ребят я взял потому, что помню их родословную хотя бы на два колена, кроме того, знаю их характеры и они схожи с моим, и, потом, это клички, а не имена, «слуге» их наверняка не сообщили, а пока проверит, пройдёт столько времени... А сами ребята парятся на дальних кордонах, долго искать придётся.

К моему удивлению, мы не идём ни в парадный, ни в чёрный входы, и даже не в каморку Кертаря. Слуга тащит нас

через весь Нижний город, выводит за стену и мы обходим крепость по достаточно ровной окружности и останавливаемся, спустившись в небольшой овражек.

– Сейчас завяжете глаза. Потом мы пройдем и, если хотите жить, то навсегда забудете это место. Поняли? – мы киваем головами – Ещё раз говорю, а то языки у вас, Шило и Копыто! Очень длинные! Запомните, ни отцу, ни матери, ни Кертарю, никому!

Мы завязываем глаза, а я догадываюсь, куда сейчас выйдем. Хорошо, что вчера не забыл снять свой «фонарь». Труп наверняка тащили здесь. Удобное место, ничего не видно, даже крыши Дворца, мешает стена.

Слуга ведёт нас как баранов, за верёвочку, даже через черную повязку ощущается темнота, заменяющая яркий свет Сияющего, десятка два шагов мы делаем вслепую, потом снимаем повязки и долго привыкаем к темноте.

Слуга разжиг факел и я вижу совершенно незнакомое место, похожее на громадный цилиндр, по поверхности которого идёт, словно резьба по металлу, узкая дорожка. Внизу блестит чёрная вода, целое озеро, и до меня доходит: резервуар воды.

В каждой крепости есть запас на случай осады. Ничего себе, запас! Утопиться можно. Всем жителям сразу! Кажется, что из глубины сейчас вынырнет нечто змееподобное и слопает нас как мух и становится не по себе.

Жалко, я не увидел, на что нажал «слуга», открывая проход, но если нужно будет, найдём, подумаешь, часок – другой потыкаться в камни. Если только... Это «если» звучит угрожающе и сразу вспоминается голос Аэртана: – «Это всё равно, что совать голову в пасть хищнику!»

И в самом деле, кто сказал, что нас оставят жить, открыв такую тайну? Появляется жгучее желание ненадолго опустить слугу в воду и бежать отсюда. Только поздно уже. Волей или неволей, а незаметно мы втянули в опасные жернова и себя, и свои семьи, и весь клан. Так что, если погибать, то с музыкой, но без них!

Долго поднимались по винтовой линии и я никак не понимал, где может располагаться в здании Замка это каменное брюхо, явно естественного происхождения, такую пещеру никакие ириты не соорудят, что ж, уже за одно это зрелище стоило поблагодарить судьбу, думаю, немногие в городе побывали на подземной экскурсии.

Поднялись наверх и в тупике сама собой открылась новая

дверь, пропуская нас в знакомый узкий коридор.

– Осторожно, здесь стены чёрные.

– Благодарю, мы уже были в этой дыре.

Какой заботливый у нас проводник! Я с запоздалым страхом вижу, что этот кусок кишки выходит из одного из тупиков, в которых я прятался, когда тащили труп. Если бы я в него сунулся прятаться, то ой-ёй-ёй! Рисую ответвление в памяти, а для верности провожу пальцем по стене, линия вернее, чем забитый информацией мозг.

И, наконец, ещё одно открытие! Сколько же здесь тайно открывающихся открытий?! Молодец я, что вовремя тогда смылся! Этот ход – то, что мы тщетно искали вчера, когда лазили через крышу. Спасибо тебе, слуга! Если я останусь живым, обязательно назову эту дверь твоим именем, за ней идёт длинная кишка перехода, выходящая в соседнее крыло. И незачем было греметь по черепицам, пугать чёрных птиц! Вот только, имени твоего – не знаю. Как, надеюсь, и ты – моего!

Мы сейчас на втором этаже. Интересно, как наш проводник переберётся на третий? Нам с Пашкой пока что удавалось подниматься только колдовством. Коридор, тупик, глазок, шипение:

– Сейчас, как скажу, бегом прямо, там дверца... Бегом!

Так примитивно? Даже обидно. И гордость в душе за мои способности. Перебежали коридор, нырнули в новую дверцу, поднялись по винтовой лесенке, опять слуга, смешно отключив зад, смотрит в дырку: раз, два, три, – «Бегом!». Бежим, ныряем, влетаем в один из тупиков, где бродили вчера. Теперь я и без «слуги» знаю, куда идти, но ему этого не покажу.

О, Сияющий! Мелькнуло Пашкино лицо, оно такое напряженное, что я легонько толкаю его в рёбра и думаю, неужели у меня такое же дурацкое выражение перед встречей с любимым человеком. Пашка вздрагивает, улыбается и показывает большой палец. Ну и отлично, это чисто земной жест, значит он очнулся от дрёмы и всё в порядке.

Перекресток, висит моя ниточка – метка, сейчас налево, правильно. А как он будет звонить? А никак. Дверца сама открывается и мы вваливаемся в неё как из самоварной трубы, не в самом приглядном виде, но весёлые и счастливые в симпатичный дамский будуар, не знаю, как это называется по-иритски, и первое, что видим, летящую в ослеплённые ярким светом глаза противную морду Хиска, которому я с наслаждением незаметно влепляю по громадным ушам, отчего он резко меняет курс и выруливает в сторону, чуть не врезавшись в стену. Хоть так душу отвести! Конечно, животное

не виновато, оно привязано к хозяйке, охраняет... Запоздало становится стыдно.

Слуга уже на колене. А мы не спешим приземляться. Нас ещё не представили, а просто так брякаться на землю и пачкать штаны, пусть даже и самые грязные на свете, надоело.

– Мы пришли, госпожа. Ты подумала о цене?

– Ну, вы – наглецы! Фудьяр! Ты что, не можешь обойтись без этой вони? Сейчас ползамка будет знать, что там прошли!

– Простите, госпожа.

– Ты свободен. И потуши эту гадость. Только не здесь!

Вот так тебе, задавака! А мой фонарик не пахнет!

– Я не сомневалась, что вы окажетесь здесь. Настырные мальчишки!

Подождите меня здесь... Хиск!

Выходит за дверцу со своей гадостью на плече. Не люблю я летучих тварей с локаторами вместо ушей. Наша цель пошла узнавать подробности разговора. Интересно, кто из нас сейчас дичь, а кто – охотник?

Мы не тратим время зря, озираемся по сторонам, любопытничаем, суём свои носы. Я уверен, что за нами подгля-

дывают, но мы же никому не давали обещания стоять смиренно. Оглядываю дверцу. Она хорошо маскируется в орнаменте камней, а как открывается, непонятно, так что в случае опасности это пока что – ловушка.

Мы – деревенские мальчишки. Глухая провинция! Впервые в палатах. Значит должны шмыгать носом и щупать всё подряд. Я трогаю камни около дверцы, пытаюсь нажимать их. Тщетно! Перехожу к камину, в котором горит самое обычное, привычное, плетёное топливо, разглядываю резные каменные морды, железную решетку, толкаю в бок Пашку, выводя его из ступора.

Мягкие диваны с подушками разных размеров, стены обиты шелком, а вот и знакомые баулы – чемоданы. Ещё не разобраны. Ну, правильно, барыня поздно легли, только что проснулись. Это мы, босяки!.. С утра на ногах! Хотя, флаконы с чисто дамским содержимым уже стоят на столике, красавицы должны точить своё оружие.

Ничего особенного. Видали мы и получше! Я вспоминаю «комнату для раздумий» в горах, стеллажи, стёкла цветных окон, столы и книги! А это так, цветная ширма... Ощущение помпезности совсем разрушается, когда в глаза бросается тазик с водой, в котором, наверно, красавица мыла свои ноги. Или ещё что-то, поинтимнее? Нет, я не брезглив и всё

понимаю, это, конечно, естественно. Не бегает же красавица на карниз? Только, где же служанка? Или она настолько не доверяет никому?

– Ну и как? Нравится?

– Да, ничего.

– Всего лишь «ничего»?

– На сеновале лучше.

– Нет, вы неисправимые наглецы! Можно подумать, у тебя дома и в сортире стены в шелках!

– В отхожем месте у нас есть всё, что нужно. И не пахнет, как здесь.

– Чего же вы приползли в город?

– Войны нет. Вылазок нет. В Паучий замок не пошли, скучно.

– В Паучий?

– Да ладно, ты же всё про нас уже узнала! Чего в прятки играть? Мы тут три дня на кухне ошиваемся, ждём. Одной воды столько перетаскали, что можно купальню залить!

– У вас есть купальня?

– У нас в клане горячая вода из под горы течёт, мойся, сколько хочешь, а тут – только в тазике, или в холодной реке! Если бы не монеты, давно ушли бы назад.

– И сколько вам надо?

– Много надо! Костюмы с защитой, в клане не шьют такие, мешки для барахла. Кожаные, с карманами. Оружие надо,

чтобы дровишки метало, а то от пращи толку мало. Верёвки тонкие, прочные, сеть, много чего! Мы же разведчики, госпожа. Зимой на снегу спим, по горам ходим, чем снаряжение лучше, тем больше шансов выжить.

– А зачем шкуры таскали? На них не разживёшься.

– Ты же давно всё поняла... госпожа. Это прикрытие. Искали к кому в охрану наняться. А как найдёшь? Это ж надо в драку ввязываться, а какой купец возьмёт незнакомых? Да и жадные они все! Удавятся за медяк!

Недоверие пропадает из глаз. Она раскусила, что мы не те, кем назвались, а теперь получила этому полное объяснение. И оно совпадает с её желанием получить в наёмники вот таких простачков. Значит, сейчас пойдут «откровения».

Тоже будет враньё? Наверняка! И наша задача на первый раз поймать её на лжи, а на второй – поверить и самим «попасть в сеть». Чтобы не выглядеть совсем уж лохами. И только тогда узнать истинное своё предназначение для этой девочки.

Она ведь не старше нас. И красота её наполовину обеспечена молодостью, хотя, конечно, порода тоже чувствуется. Бедный Пашка, не по зубам тебе этот сухарь!

– Вы убивали когда-нибудь? – Ого! Вот это вопрос

не в бровь, а в глаз! В зрачок!

– В спину – нет. А в лоб приходилось.

– И кого же?

– Вартаков. Мерзких воров!

– А если надо в спину?

– Зачем? Мы – воины! Уж лучше окликнем. А потом всё будет честно и он увидит свою смерть.

– А если с ним полно охраны и он подл и никогда сам не станет защищаться? А просто сбежит как трус.

– Значит надо его спровоцировать, разозлить, взбесить и бить при всех. Если он ирит, то от позора не побежит. Всю жизнь потом не отмоеся. И никакая охрана не поможет.

– Вы делали это?

– Вот он, Копыто, делал. Он хорошо это умеет.

– И что же, охрана молча стояла?

– Там была не только охрана, ещё и друзья. Им пришлось встать в очередь по одному. И все получили своё.

– Немного похоже на хвостовство, да?

– Так это же так легко проверить. И попробовать. Если есть, кому.

– Ну, своих слуг я не отдам, а устроить это можно.

– Как?

– Очень просто. Поставить золотой. На победителя.

– Золотой – звучит хорошо. Ушам приятно.

– Значит договорились?

– О чём? Пока только поболтали. Ничего же конкретного.

Кроме золотого. Мы готовы. Но надо найти место и народ собрать.

– Ну, это не ваша забота. Тебе надо подойти и ввязаться. И показать себя.

– Когда?

– Послезавтра праздник. Шея Круга! Весь город гулять будет. И зрителей хватит, и желающих, разбить тебе лоб!

– Тогда не так надо. Не ставить сразу золотой. Начать с медяшек. Ставки удваивать. А золотой поставить – в конце!

– Вы хотите умереть в юности? За золото на эту бойню вся охрана со стен сбежится, им не так уж много платят.

– Зачем же сразу так жестоко? Почему – «бойня»? До первой крови и достаточно. Тем более, что это праздник.

– А затем, что найдутся упрямые, которым первой будет мало.

– Ну, что ж, зато весело! Давай золотой.

– А ты с ним сбежишь, да?

– Мы что, совсем придурки? Тут из одного десятков получится!

– Нет, дорогой. С золотым войдёшь не ты. Ты войдёшь с медяками. На, держи. Хватит?

– Сколько там?

Ты хочешь, чтобы я считала медяки?

– Ладно, согласен.

– Значит послезавтра?

– Да... Госпожа.

– Постарайтесь не нажраться как свиньи, мальчики. Это вашему здоровью не будет полезно. И ещё. Вы меня не знаете. Запомните это хорошенько!

– Запомнили.

– Сами сумеете выйти, или провожатого звать?

– Выйти нет, а уйти сумеем.

– Не вздумайте этим шутить! Головы быстро слетят! Идите!

Она подошла к камину и дверца открылась. Значит заветная кнопка спрятана на полу. Это уже кое-что. Неизвестно, предстоит ли нам ещё раз посещать эту комнату, но всегда приятно знать, что можно быстренько смыться. А откровения-то отложены, зря мы ломали комедию, пока ничего нового не узнали.

ПРОВЕРКА

(рассказчик)

К празднику город преобразился. На пустыре между нижним городом и Замком выросли столы, павильончики, собранные из простых плетеных панелей, связанных верёвками и украшенные лентами. Дымили жаровни, от которых пахло так, что можно было и не есть, и так сыт будешь, здесь же разливали дешевое вино и согревающее покрепче в простые глиняные стаканчики.

Сегодня не торговали скотом, не было в продаже ничего того, что могло бы испортить своим видом или запахом атмосферу безмятежного безделья и радости. Зато с успехом расхватывались яркие ленточки, бусики, маски и всякая мишура. Впервые в городке было видно так много детей, крутившихся под ногами.

На одной площадке давали представление кукольщики и небольшая толпа радостно швыряла огрызки в тряпчатого злодея, на другой крутились гимнасты и клоуны, среди которых сидели и юные герои, раскрашенные так, что их не узнали бы даже родные.

Они долго обдумывали свою маскировку и решили, что любая простая одежда выдаст их моментально. Толпа на улице уплотняла гуляющих в тугой комок, в который легко могли попасть и молодые гуляки, с которыми Пашка дрался когда-то, и служанки, видевшие их во Дворце, и множество других иритов, и при длительном наблюдении взгляд, осанка, мелкие детали легко делали ребят узнаваемыми. Даже то, что их двое, уже привлекало внимание. Поэтому они разделились.

Время от времени Мишка выделявал свои фокусы. Самым большим успехом пользовалось заточение в прозрачный стакан, но наученный горьким опытом с девочками

в клане, он делал это так быстро, что рискнувшие пройти испытание, не успевали даже толком испугаться. На один вздох ощущение тюрьмы, охватывало тело, руки не могли двигаться, это пугало и тут же пропадало, за что Мишку осыпали мелочью, которую он сам даже не подбирал, это делали пара шустрых пацанов, имеющих свой навар за работу

Юный фокусник старался не слишком много говорить, за него это делали клоуны из труппы, тоже бравшие себе часть заработка, но разведчиков это устраивало. Лица их были так густо размалёваны, что на них не осталось ни одного естественного участка, одежда, скроенная из цветных лоскутков, взятая напрокат, убивала всякие воспоминания о клане, воинах, делах и проблемах, поэтому так непринуждённо проходило представление, в котором совсем не надо было притворяться, они были озорными мальчишками и их же изображали.

Пашка даже прошептал, что если дела пойдут плохо, можно удрать с клоунами и всегда иметь лепёшку с мясом. Ему было совсем легко, он изображал силача, который без особых усилий поднимал здоровенных мужиков и даже подкидывал их вверх, никому и в голову не приходило, какая колдовская сила владела их телами на самом деле. Полет был настоящим? Чего же ещё?!

Праздник разгорался, входил в силу, количество выпитого постепенно переходило в качество и, наконец, наступил момент «битья посуды». Разгоряченные мужики, которым уже надоели и циркачи и танцовщицы, желали показать свою удаль.

Видимо, это развлечение входило в традиционную программу празднества, потому что внезапно, как будто по приказу, передвинулись столы, освободив широкий свободный коридор, из замка вышел и лениво подошел отряд военного патруля, который встал «вольно» и получил по кружке дешевого напитка, мальчишки стайками подносили камни для пращей, укладывая их кучками, а первые умельцы уже крутили традиционное оружие этого государства.

Начали «на просто так», накололи черепки из дешевых горшков и вызвали первый смех толпы, которая вырастала на глазах. Видимо, это развлечение было главным сегодня, шутки подзадоривали стрелков, которые мазали не реже, чем попадали.

Танцовщица наверняка заранее знала о таком сценарии, потому что дальше всё поскользилось как по ледяному желобу. Два мужика подрались, споря, кто точнее попал, солдаты их разняли, причём, совершенно мирно, как обиженных детей. Тогда начались броски «до первой крови», любимая

игра иритов. Сначала на аплодисменты, потом на деньги.

Деньги ставят оба, победитель забирает. Аплодисменты. Вид крови будоражит, опасность есть и для зрителей, иногда камни или их осколки отлетают в толпу, это тоже возбуждает. По рукам солдат уже потихоньку движется кувшинчик с вином, это же праздник!

Вот победитель не уходит. Он зазывает желающих, которые должны удвоить ставку, это повышает интерес. Постепенно приближается Пашкино выступление. Он пропускает ещё одну схватку, теперь здорового толстого селянина сменяет худой и тщедушный на вид мужичонка, но кидает он неплохо, поэтому под ногами лежит кучка меди. Пашка должен войти, изображая дурачка, когда наступит пауза, но сейчас его оттесняет охранник, то есть профессионал.

Он, хитрец какой, подождал, когда вырастет кучка меди и решил сгрести её без особого труда, для чего товарищи скинулись по монетке, уверенные, что вот, сейчас получат дармовую выпивку. И, действительно, худой, зализывая небольшую рану, выползает из коридора, шипя от злости. Аплодисменты!

Вот теперь Пашка выходит на сцену. Именно так, потому что он, как артист, дурачится, разглядывает прашу, как со-

вершенно незнакомый предмет, швыряет под ноги солдату входной мешочек с деньгами и начинает смешить толпу, что соответствует его костюму.

Натягивает капюшон на глаза и визгливым противным голосом причитает: «Где мои глаза? Я их потерял!», а потом приспускает штаны и на заднице видны нарисованные глазницы – «Вот они! Нашел!». Чем грубее шутка, тем больше смеха. А смех – это симпатии зрителей, против которых не попрут даже солдаты, эту простую истину Пашка давно понял. Солдат уже начал свои броски, а клоун всё играет, уворачиваясь.

Камни у него вываливаются из рук на землю, праща надевается на такие места тела, что все гогочут и поэтому никто не видит, как из его оружия вылетает камень и попадает солдату в руку. Один – ноль! И кровь есть. Немного, но хватит для выигрыша. Солдат, естественно орёт, как раненый аргак «Нечестно!». Его поддерживают друзья и цирк продолжается.

Пашка милостив, можно и ещё раз. Ему популярность на пользу в любом виде. С криками и ужимками уворачивается от снарядов солдата, который, кстати, кидает очень плохо. А потом засвечивает ему камень в ту же руку. Два – ноль. Крови теперь более, чем достаточно.

«Попал! Я попал! Ой, кровь! Я боюсь! Мне дуур-но!» Радость дурачка настолько искренняя, что даже злой от поражения солдат не спешит его наказывать, а потом и сам смеётся. Кто следующий?

В коридор лезет крепкий, ладный мужик, видимо, из торгашей, купцов, которым приходится в походах отстаивать своё имущество и драться за него всерьёз. Монеты считает, потом кладёт свои долго и основательно и теперь все видят, как выросла жалкая горсть за несколько боёв. Пашка дурачится, всем весело.

Встали на изготовку. Мужик долго готовится, а Пашка бежит около своей линии, за которую забегать нельзя, и кричит «Ой, боюсь!», а перед самым броском опять приспускает штаны и на мужика вылупляются нарисованные глаза, он тушуетя и мажет, и почти тут же получает камень в руку, из которой брызгает кровь. Победа! Аплодисменты.

Зрители уже поняли по трём точным ударам, что шут не прост. Победитель всегда вызывает симпатию, так что затянувшаяся пауза никого не раздражает. Тем более, что противник Пашке уже намечен. Это тоже солдат, только видно, что он опытен и побывал во многих переделках и драться идёт не за деньги, за честь отряда, который трясёт кошелька-

ми, собирая монеты на входной билет, подорожавший вчетверо. Отряду помогают монетами и зрители, которые делают ставки и рискуют вместе со своим кумиром.

Солдат уже стоит, ему передают мешочек и он швыряет его Пашке под ноги, в кучу, как и он сам, не считая. Пауза. Идёт немая разведка. Пашке жалко солдата, не будь этот спектакль частью дела, бросил бы его к чертям и проиграл бы с шуточками, но сейчас ситуация дошла почти до конца, не бросать же.

Он левой рукой подкидывает ложный, отвлекающий камень в сторону солдата, делает шаг в сторону и тут же швыряет свой камень в тот, который летит от противника ему в лоб. Камни с треском сталкиваются и летят в толпу, а Пашка уже опять кидает обманку и бьёт в ногу, в бедро, не желая ранить воина в руку. Но кровь не выступает, так что приходится шуту повторить свой танец несколько раз, пока не наступает неприятный для него миг победы. Он уже не дурачится и криков зрителей гораздо меньше, они тоже понимают, что за этим молчанием кроется не жажда денег. Аплодисменты.

Вот сейчас Пашка может забрать все монеты, которых уже очень много, и спокойно уйти, никто его и словом не упрекнёт, да и желающих не видно. Но задача не решена. Должен

быть кто-то с золотой монетой. И кто сильнее других. И он уже стоит, улыбаясь. Это вчерашний «слуга». Только сейчас он одет поизящнее и явно в свою одежду.

Фудьяр? Она же не хотела портить своих слуг? Хотя, чего там, максимум – царапина и всё! Но почему такое гадкое выражение у этого господина? Он как будто знает, что сейчас сделает пакость. Вот только какую? А, может, кажется? Мнительность? У слуги и так-то выражение рожи всегда гаденькое.

Вот он подкидывает вверх монету, и все дружно ахают. Это золотая монета. Её стоимость, может и не больше, чем у всей меди, лежащей на земле, но эффект неопишум. Никогда на этом поприще не летали такие кружочки, простые ириты вообще могли прожить всю жизнь, ни разу не подержав в руках тёплый желтый, тяжелый металл.

Твёрдая рука поймала кусочек Сияющего и припечатала его к мешочку с медью на всеобщее обозрение. Слуга пошел к своей черте и Пашка судорожно пытается понять, в чём же подвох? То же самое делает и его друг, который до сих пор не принимал никакого участия в игре, полностью уверенный в талантах шута.

Мишка вспоминает вечер в Клане Огня и дуэль с преда-

телем. Тогда принц боялся, что подлая помощь может прийти сбоку, со стороны. Оглядев толпу он, наконец, видит, как от неё отделяется ещё один комок мускулов, такой же пружинистый, как и Фудьяр и с ним гиганты из охраны Танцовщицы. А вот и она сама, сидит в ручных носилках, как в маленьком огородном туалете, шутница. Наблюдает, дрянь!

Ему становится стыдно за весь народ иритов. Как бы ни была велика или, даже, величественна цель этого действия, но средства уж слишком примитивны. Значит, будут бить в спину? И зашли прямо со стороны Сияющего, умники! Гиганты будут закрывать стреляющего после броска. Ну, что ж, маленькое и невидимое кольцо защитит вас, господа от собственной подлости. А ещё одна стеночка пусть защитит Пашку сзади. Мало ли, сколько вас тут в толпе? И верёвочку посреди коридора на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.